

АРСЕНИЙ АРХИПОВ

Рыцарь Вейльгарда

Арсений Архипов

Рыцарь Вейльгарда

Серия «Симфония Этерии», книга 3

<https://litres.ru/73847365>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Рыцарь Вейльгарда»

Он — бывший инквизитор с руками по локоть в крови невинных. Она — княжна-учёная, променявшая безопасность дворца на пыльные дороги войны. Их свела вместе ненависть к Ордену и общая цель: найти правду в мире, где ложь стала оружием, а страх — пищей для древнего зла.

Но в землях, разорённых «багровыми плащами», обычные чудовища — лишь начало. Тьма стучится над Вейльгардом, и у неё есть имя. Имя того, кто питается предательством и пишет судьбы смертных, словно пьесу в дешёвом театре.

Чтобы выжить, Теодору и Изабелле придётся довериться друг другу. Но как удержать меч, когда сердце разрывается от любви? И чем заплатить за правду, если цена — сама память о себе?

Содержание

Предисловие	4
Пролог	7
Глава 1: Охотники за правдой	11
Глава 2: Ночной кошмар	27
Глава 3: Контракт на гримвольфа	40
Глава 4: Кровь и признание	61
Глава 5: Проклятие Часовой Башни	72
Глава 6: Ночь без доспехов	96
Глава 7: Чумной барон	109
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Арсений Архипов

Рыцарь Вейльгарда

Предисловие

«Правда дороже короны, а память — прочнее стали»

Когда-то я думал, что история — это свитки в библиотеках, датированные события, имена великих полководцев и королей. Я ошибался. История — это то, что остаётся после того, как всё остальное сгорает. Это шёпот умирающего, которому некому больше шептать. Это страница, вырванная из дневника и залитая кровью, но всё ещё хранящая буквы. Это память, которую носят в себе те, кто выжил.

Предыдущие два тома моей летописи были посвящены великим битвам и крушению империй. Я рассказывал о железной поступи Орской Империи и о том, как горели королевские свечи Вейльгарда. Это были истории масштаба, истории, где на карту ставились судьбы народов.

Эта книга — другая.

Она — о самом малом и самом великом, что есть в этом

мире. О двух людях, которые встретились на пепелище чужой войны и решили идти дальше вместе. О бывшем инквизиторе, чьи руки были в крови невинных, и о княжне, променявшей безопасность отчего дома на дороги, полные опасностей. О том, как они учились доверять друг другу, как сражались не только с внешними врагами, но и с собственными демонами, и как, в конце концов, поняли, что правда, которую они искали, — это не просто слова.

Это история о любви.

Не о той, что описывают в романах менестрели. О любви, рождённой в грязи придорожных канав, в страхе ночных кошмаров, в боли от старых ран и в радости от того, что ты слышишь дыхание другого человека рядом. О любви, которая стала последней правдой для одной из нас.

Изабелла Вершенская.

Я пишу это имя, и перо дрожит в моей руке. Прошло много лет, но сердце до сих пор сжимается, когда я вспоминаю её улыбку, её привычку закусывать губу, когда она что-то записывала в свой дневник, её упрямство, которое стоило мне седых волос задолго до того, как они стали седыми по-настоящему.

Этот дневник сейчас передо мной. Потрёпанный, залитый водой и кровью, хранящий между страницами засушенные цветы из тех мест, где мы побывали. Я перечитываю его снова и снова, и каждый раз нахожу то, что не замечал раньше. Её мысли, её страхи, её надежды. И её любовь ко мне, такую огромную, что она смогла разорвать границы самого Эребоса.

В этой книге я расскажу всё. Как мы встретились. Как ненавидели друг друга. Как постепенно, шаг за шагом, стена между нами таяла. Как я впервые за долгие годы позволил себе почувствовать нечто, кроме вины и долга.

Это не лёгкое чтение. Здесь много боли. Но здесь же и правда, которая, как она верила, стоит того, чтобы за неё умереть. Я хочу, чтобы вы знали: Изабелла Вершенская существовала. Она была настоящей. И её история не закончилась в серых песках Эребоса. Она продолжается в каждом, кто прочтёт эти строки и поймёт: любовь и правда — это единственное оружие, перед которым бессильна даже смерть.

Я — её летописец. Я обещал рассказать. И я расскажу.
Теодор, бывший инквизитор, хранитель памяти.
1249 год от Великого Исхода

Пролог

Дождь стучал по потрескавшимся ставням таверны «Перекрёсток Трёх Бед» так яростно, будто хотел смыть её с лица земли вместе со всей грязью, бедами и скверной, что копились здесь годами. Внутри пахло кислым пивом, влажной шерстью и дымом — не уютным каминным, а едким дымом войны, что уже который месяц висел над бывшими землями Ривермара.

У огня, пытаясь отогреть кости, сидели двое. Молодой парень с туповатым, усталым лицом батрака и старый солдат. Вернее, обрубок солдата — левая рука отсутствовала по локоть, а лицо было изборождено шрамом, похожим на высохшее русло реки. Пальцы единственной руки крепко обхватывали глиняную кружку, будто это был якорь в бушующем море ночи.

— ...и говорят, — хрипел старик, прищулив единственный глаз, не затянутый бельмом, — что она, эта девица, книгу ту не для красы носит. Читает в ней слова, от которых призраки бледнеют да рассыпаются в прах. На языке мёртвых королей говорит. А он рядом стоит. В плаще, выдавшего виды, с мечом, что поёт в темноте, чуя нежить.

— Сказки, — буркнул молодой, отхлебывая свою порцию жижи, что здесь гордо называли пивом.

— Страшилки для дурочек да ребятни. Чтобы в сумерках из дома не выходили. От таких сказок и «багровые плащи» плодятся — слышал, опять по дороге на север прошли, человек двадцать, лица калёным железом скрыты. Ищут кого-то.

Старый солдат хмыкнул, и звук этот был похож на скрип ржавых ворот.

— «Багровые плащи»... Инквизиторы, что ли? Они всех ищут, кто дышит не по их уставу. А эти двое... — он замолчал, уставившись в огонь, где трещали сырые поленья. — Я в Кривом Ручье был, когда там grimwolves из лесу вышли. Не просто звери — умные, злые. Старосту загрызли, ребёнка из колыбели утащили. Крики такие стояли... А наутро они пришли. Он — молчаливый, взгляд как у сокола, всё осмотрел, следы нашёл такие, что никто не видел. Она — спросила у старух про местные легенды, в своей книжке что-то отметила. Через три дня тварей тех не стало. Не убили, нет... Выкурили. Как будто саму тень их страха развеяли.

— Ну и? — не унимался молодой. — Медведя-убийцу выследил, grimwolves отогнал... Кошель за услугу взял и пошёл дальше. Наёмник, каких сотни по дорогам шляются.

— Наёмник не стал бы с личем в Часовой Башне разговаривать, — отрезал старик, и голос его понизился до шепота. — В Вислене видел. Сам. Издали. Башня та старая, проклятая, все её обходят. А оттуда свет шёл — не огненный, а холодный, лунный. И голоса... Он стоял в дверях, мечом путь ей прикрывая. А она... она ему имя говорила. Имя, которого сотни лет никто не помнил. И свет тот погас. Не с взрывом, а с вздохом. Как будто кто-то очень усталый наконец уснул.

В таверне наступила тишина, нарушаемая только треском огня и завыванием ветра в трубе. Молодой парень недоверчиво покачал головой, но в глазах его мелькнула тень того самого страха, о котором говорил старик.

— И куда же они, по твоим сказкам, путь держат?

— На север. Всегда на север. Говорят, ищут что-то. Храм, может. Или правду. — Солдат допил своё пиво до дна, поставил кружку со стуком. — А «багровые плащи» за ними по пятам — тень кровавая. Будто сами твари, что они гонят, для этих инквизиторов пуще врага.

— Сказки, — уже без прежней уверенности пробормотал молодой. — Красивые байки. От них теплее не станет, хлеба в амбаре не прибавится.

Старик поднялся, костяшками пальцев потерев грудь на месте, где когда-то, должно быть, носил латы.

— Может, и сказки. Но в каждой сказке, парень, есть крупица правды. А правда в наши дни — реже золота и колючее терновника. Её не всякий в руки возьмёт. Им, видать, не страшно.

Он кивнул хозяину и, кутаясь в рваный плащ, шагнул в кромешную тьму и дождь. Молодой остался сидеть, глядя на пустую скамью, а потом невольно потянулся к грубой стене рядом. Там, среди прочих похабных надписей и выщербленных отметин времени, кто-то старательно, почти благоговейно, выцарапал два силуэта: высокий, в плаще, с мечом, и стройный, со свитком в руках. А под ними — неуклюжий цветок, похожий на подснежник, пробивающийся сквозь камень.

Он быстро отдернул руку, будто обжёгся. Снаружи ветер выл ещё громче. И где-то там, в стенающем мраке, между каплями дождя, ему почудился чёткий, железный звук — будто кто-то в темноте вынул из ножен длинный клинок.

Глава 1: Охотники за правдой

Холод вставал из-под земли, даже когда костёр ещё пытался бороться. Он поднимался сырыми, цепкими щупальцами сквозь слои прошлогодней хвои и гниющих листьев, обвивая лодыжки, пробираясь под плащ. Теодор сидел неподвижно, спиной к древнему, дуплистому буку, и смотрел не на огонь, а в черноту леса за его кромкой. Его пальцы — шрамы, мозоли, тонкие белые линии от порезов — методично, с почти ритуальной точностью, проводили по клинку короткого меча. Камень точильный шипел в такт потрескиванию углей. Звук этот был простым, знакомым, почти успокаивающим. Здесь, в нём, не было места сомнениям.

Изабелла сидела по другую сторону костра, склонившись над кожаным фолиантом, прижатым к её коленям. Тонкий уголёк, обёрнутый в тряпицу, служил ей карандашом. Свет пламени золотил высокий лоб, кончик носа, пухлую нижнюю губу, закушенную в концентрации. Она что-то зарисовывала — карту, знак, диаграмму потоков? Её движения были быстрыми, уверенными, но от них веяло не военной сноровкой, а сосредоточенностью учёного, торопящегося зафиксировать мысль.

Лес вокруг них не был тихим. Он был наполнен звука-

ми, которые Теодор учился читать три месяца назад, а теперь слышал, как собственное дыхание: шелест полёвки в подстилке - мелкий, суетливый, крик совы на сосне - властный, охотничий, далёкий, протяжный вой, от которого кровь стыла в жилах не у него, а у любого горожанина. Не волк. Гримвольф. Но далеко. Миль пять, не ближе.

— Ты добавишь этот случай? — Его голос прозвучал негромко, но чётко, перебивая ночную симфонию.

Изабелла вздрогнула, оторвавшись от страницы. Её глаза, казалось, ещё секунду видели не лес, а строки и схемы.

— Медведя? — уточнила она.

— Скот. В Глубоком Овраге. — Теодор не поворачивал головы. Его взгляд продолжал сканировать темноту. — Три коровы, пропавшие за неделю. Нашли в пещере, живые. Защищённые от тварей запахом... разложения.

Он произнёс последнее слово без эмоций, как констатацию факта. Староста деревни плакал от благодарности, суя им мешочек с медяками и вяленным мясом. Женщина, хозяйка коров, пыталась поцеловать край плаща Изабеллы. Теодор тогда резко отвёл её в сторону. «Не надо. Платите за работу, не более».

— Добавлю, — сказала Изабелла, возвращаясь к дневнику. Её перо — уголёк — зависло над страницей. — Но не как «контракт исполнен». А как аномалию. Медведь-шатун в конце зимы — это природа. А медведь, нападающий целенаправленно на людей в разгар лета и затаскивающий добычу в одно и то же место... это уже влияние. Феромоны страха, как мы предполагали. Или что-то иное.

— Предположения не накормят, — отозвался Теодор. Он вложил меч в ножны, раздался сухой, финальный щелчок. — Контракт на медведя принёс нам провизию на неделю. Контракт на скот — информацию о патрулях Ордена в той долине. Это полезно. Всё остальное — балласт.

Изабелла закрыла дневник, положив на него ладони, будто защищая от его слов.

— Это не балласт, Теодор. Это данные. Каждый такой случай — точка на карте. Из точек складывается рисунок. Рисунок покажет, где болит эта земля. Где... в неё просачивается та самая «пустота».

Он, наконец, повернул к ней лицо. Огонь играл в его жёстких чертах, подчёркивая впадины щёк, тень от прямого носа. Глаза, серые и холодные, как озерная вода перед ледоставом, смотрели на неё без злобы, но и без понимания.

— Земля не болит, Изабелла. Болят люди. Им нужна еда, безопасность и чтобы их оставили в покое. Всё. Твои «узлы хаоса», «волны тлена»... Это слова. Красивые. Но они не остановят голодного зверя и не сломят хребет мародёру.

Она не отвела взгляда. За три месяца она научилась не бояться этой холодности. Поняла, что за ней скрывается не равнодушие, а иная система отсчёта. Мир, разбитый на чёткие категории: угроза, нейтрал, цель, укрытие. Мир без полутонов.

— Слова — это всё, что у нас есть, чтобы описать то, что происходит, — тихо сказала она. — Орден убивает слова, сжигает книги. Они оставляют людям только один нарратив — свой. А мы... мы собираем другие. Даже если они сейчас кажутся бесполезными.

Теодор снова уставился в темноту. Помолчал.

— Мы не можем спасти всех, — произнёс он фразу, ставшую за эти недели их тяжёлым, неоспоримым рефреном. — Не можем исцелить землю. Не можем остановить войну.

Изабелла глубоко вздохнула. Воздух пах дымом, хвоей и грядущей осенью.

— Но мы можем спасти тех, кто на нашем пути, — закончила она, как всегда. Но сегодня в её голосе прозвучала не

простая повторение, а тихая, несгибаемая убеждённость. — Одну деревню от медведя. Одну семью от голода. Одну... душу от забвения. И каждое такое спасение — это слово, которое мы вписываем в историю вместо них. И оно уже не балласт.

Она открыла дневник снова, достала из походной сумки маленький, тщательно завёрнутый свёрток — остатки их ужина, грубую лепёшку. Разломила пополам и протянула одну часть через костёр.

— Ешь. Ты сегодня почти ничего не ел.

Теодор посмотрел на протянутую лепёшку, затем на её лицо. Что-то дрогнуло в каменной маске его собственного лица. Не улыбка. Скорее, мимолётная тень усталого признания. Он взял лепёшку, кивнул коротко, почти невидимо.

— Спасибо.

Костёр догорал. Они ели в тишине, слушая, как лес дышит вокруг них. Два силуэта у чахлого огня — человек действия с руками, знающими только меч и топор, и человек слова с умом, пытающимся постичь непостижимое. Две половинки одного непонятого для мира целого, начавшие вместе писать свою летопись — не на пергаменте, а в пыли дорог, в

страхе спасённых деревень, в молчаливом понимании между двумя глотками воды из одного бурдюка.

Лепешка была черствая, но сытная. Теодор ел методично, маленькими кусками, не сводя глаз с леса. Жевал долго, будто разминая пищу не только для желудка, но и для того, чтобы занять чем-то рот, не нужный сейчас для слов. Его взгляд, тот самый «взгляд сокола», о котором хрипел старый солдат в таверне, скользил по знакомым точкам: там, где огромный валун, там, где завал из бурелома, там, где тропа, едва заметная в траве. Каждые несколько секунд его зрачки бессознательно фиксировали движение — падение листа, пробежку тени от облака. Это была не паранойя. Это была привычка, вшитая в мышцы и нервы за годы службы, где расслабление равнялось смерти.

Изабелла, доев свою порцию, снова погрузилась в дневник. Она не просто писала — она сверялась. Из потертой сумки появились другие листки: зарисовки странных символов, выцветшая карта Вейльгарда с десятком пометок, выписки из книг, которых у нее уже не было. Она проводила пальцем от одной точки к другой — от деревни с медведем к Глубокому Оврагу, потом дальше, на северо-восток, к тем местам, куда они, казалось, неотвратимо двигались.

— Здесь, — она сказала больше для себя, чем для него,

и постучала ногтем по пергаменту. — Все три случая за последний месяц. И тот вурдалак, о котором говорили в прошлой деревне. Они выстраиваются вдоль старой границы — там, где проходила «Черта Молчания» после войны.

— Линия укреплений, — безразлично констатировал Теодор, отряхивая крошки с колен. — Места массовых смертей. Кладбища без крестов. Там всегда будут слухи о нежити.

— Не просто слухи, — настаивала она. — Частота и природа. Гримвольфы, реагирующие на химикаты. Медведь с измененным поведением. Вурдалаки, поднимающиеся не из любых могил, а из братских, где лежат солдаты, умершие от страха и предательства. Это не случайный хаос. Это... симптом. Реальность болеет там, где её когда-то разорвали самым грязным образом.

Он хотел было снова сказать что-то о балласте, но не стал. Вместо этого он встал, бесшумно, как большая кошка, и сделал круг по их маленькому лагерю. Не для проверки — он и так всё видел. Скорее, чтобы размять затекшие мышцы, почувствовать под ногами грунт. Его плащ, вывернутый темно-серой подкладкой наружу, не шелестел, символ Пылающего Сердца был тщательно срезан, но его призрак, казалось, все еще жёг спину. Он научился двигаться так, что даже броня, если бы она у него сейчас была, не звенела бы.

— Завтра на рассвете, — сказал он, возвращаясь к костру, но не садясь. — Дойдем до брода через Стикс. Переправимся. Следующая деревня — Кривой Ручей. Там старик на рынке говорил о пропавших детях.

— Детях? — Изабелла резко подняла голову, и в ее глазах мелькнул не исследовательский, а человеческий, острый ужас.

— Скорее всего, сбежали или угодили в трясины, — холодно парировал Теодор, гася эту вспышку эмоции прежде, чем она могла разгореться в нечто непрактичное. — Но если платят едой и свежей информацией о передвижениях Ордена — проверим. Это на нашем пути.

Он произнес это как приговор. «На нашем пути». Их единственный и главный компас. Не звёзды, не пророчества, а простая, жестокая география выживания.

Изабелла закрыла дневник, обхватив его руками. Она смотрела на потухающие угли, и в ее взгляде была не только усталость.

— Мы спасаем тех, кто на пути, — тихо повторила она. — А если путь ведёт нас через самое сердце этой... болезни

реальности? Если «симптомы» станут самой болезнью?

— Тогда будем жечь или хоронить, — ответил Теодор, и в его голосе впервые за вечер прозвучала плоская, беспросветная уверенность палача. — Всё, что имеет форму, можно уничтожить. Всё, что издает звук, можно заставить замолчать.

Они замолчали оба. Костёр окончательно превратился в груды багровых угольков, отбрасывающих дрожащие, пугающие тени на стволы деревьев. Холод окончательно завладел полянкой.

Именно тогда, в эту гнетущую паузу, леса подарил им новый звук.

Не вой. Не шелест. А четкий, металлический щелчок.

Тихий. Одинокий. Будто где-то в ста шагах, за стеной бу-релома, кто-то неосторожно задел сук амуницией.

Теодор замер. Не дыхание, не сердце — замерло само время в его крови. Он даже не повернул голову в ту сторону. Его глаза встретились с глазами Изабеллы через умирающий костер. В ее взгляде читался вопрос и понимание одновременно. Он сделал едва заметное, но безошибочное движение

рукой вниз: «Сиди. Не двигайся. Молчи».

Его собственная рука плавно, без единого звука, легла на рукоять меча. Он не вытаскивал его. Еще нет. Он стал медленно, по сантиметру, опускаться на корточки, превращаясь из человека в еще одну тень среди стволов, растворяясь в темноте, которая была ему не врагом, а старым, знакомым покровом.

Щелчка больше не повторилось. Но тишина, которая воцарилась после него, была уже иной. Она была натянутой, звонкой, как туго натянутая тетива. Она была полна не звуков, а их ожидания.

Теодор исчез в черноте за пределами круга света, как призрак. Изабелла осталась сидеть, сжимая в окоченевших пальцах кожаный переплет дневника — своего единственного оружия в мире, где вновь, как из каждой тени этой проклятой земли, на них могла наброситься не абстрактная «болезнь реальности», а самая что ни на есть реальная, жесткая и беспощадная смерть.

Тишина длилась бесконечно. Изабелла замерла, превратившись в статую, с бешено колотящимся сердцем. Дыхание она ловила ртом, мелко и беззвучно, как учил её Теодор в первую же неделю их бегства: «Дыши животом. Звук идёт

от грудной клетки». Она прижала дневник к груди, чувствуя под пальцами шершавую кожу переплёта. Это был якорь. В нём — записи, зарисовки, доказательства. В нём была правда, которая теперь могла так легко превратиться в ничего.

Она не слышала его шагов. Не слышала вообще ничего, кроме собственной крови, стучавшей в висках. Но она чувствовала его движение. Как изменение давления в воздухе. Как исчезновение одной конкретной тени у края полянки. Он был там, и вот его нет. Он растворился, и от этого стало ещё страшнее.

Теодор не думал. Его ум отключился, уступив контроль телу, дрессированному тысячами часов патрулей, засад и ночных дозоров. Он не пошёл прямо на звук — это ловушка для дилетантов. Он отполз в сторону, используя для прикрытия ствол дуба, затем, низко пригнувшись, по дуге обошел предполагаемый источник шума. Его ступни находили опору беззвучно: камень, корень, плотная земля — избегая хрустящих веток и сухой листвы. Весь мир сузился до того, что он мог воспринять: запах — влажная гниль, грибы, дикий чеснок — ничего нового, звук — ночной ветерок в кронах, писк летучей мыши и слабое, инфракрасное свечение мира в его периферийном зрении — тепло стволов, остывающие угли костра за спиной.

И он увидел его.

Не фигуру. Свечение тусклое, пятнистое, как у светлячка. Оно пульсировало за плотной завесой ежевики и молодого орешника, в пятнадцати метрах от края их лагеря. Это было не тепло костра и не тепло живого тела. Это было что-то... влажное. Тленное. Как гнилушка, в которой завелись черви-светляки.

Теодор застыл, слившись с узором коры старой сосны. Его рука не дрогнула на рукояти меча. Инквизиторский клинок, который он не посмел выбросить, был рядом. Но он знал: сталь не всегда — ответ. Он медленно, сантиметр за сантиметром, повернул голову, пытаясь разглядеть источник. Листья мешали. Но паттерн был знакомым. Это свечение исходило не от одной точки, а как бы растекалось по земле. И было слышно тихое, мерзкое похлопывание. Будто что-то тягучее и неглубокое медленно переливалось в яме.

Тварь. Не человек.

Часть напряжения спала. Не Орден. Не разведчики. Не бандиты. Это была просто, если слово «просто» тут вообще применимо, ещё одна тварь, которых теперь было как грязи в развороченной войной земле.

Он отступил так же бесшумно, как и пришёл. На полпути к лагерю он наступил на сухую ветку — намеренно. Звук треснул ночью, как выстрел. За зарослями послышалось резкое шуршание, и тусклое свечение метнулось вглубь леса, прочь от них, растворяясь в черноте. Паническое бегство испуганного существа. Не охотника. Жертвы чего-то большего.

Через минуту он материализовался у костра, возникнув из тьмы так внезапно, что Изабелла едва не вскрикнула.

— Ушло, — сказал он просто, опускаясь на корточки и начиная быстро, эффективно разгребать сапогом угли, засыпая их землёй. Огонь нужно было скрыть. Немедленно. — Не человек. Тварь. Маленькая. Светилась. Как гриб гнилостный.

— Светилась? — Изабелла выдохнула, разжимая заочневшие пальцы. По её ладоням отпечатались буквы с обложки дневника. — Описание? Звук?

— Похлопывало. Болотный дух мелкий. Или слизь, подражающая светлячкам, — его голос был глухим, он концентрировался на действии: погасить, собрать, уйти. — Но оно испугалось. Не нападало. Шпионило.

Он посмотрел на неё через почти потухшее пламя. Его

глаза в темноте казались абсолютно чёрными.

— Ты говорила о симптомах. Вот он. Прямо у нашего порога. Тварь, которой здесь быть не должно. Которая светится от внутренней гнили. И которая слушает.

Изабелла быстро встала, начала сворачивать свою походную постель — простой плащ-одеяло.

— Оно слышало наш разговор.

— Всякий дурак в лесу мог услышать, — буркнул он, закидывая на спину свой скромный ранец. — Но этот «дурак» — часть той же картины, что ты рисуешь в своей книге. Карта аномалий. Линия старой границы. Всё это... — Он запнулся, не желая произносить слово, которое она ждала. Признание. — Всё это сходится.

Он произнёс это как приговор самому себе. Прагматик, вынужденный признать существование непрактичных, но связанных кошмаров.

— Кривой Ручей, — сказала Изабелла твёрдо, застёгивая пряжку на сумке с книгами. — Если твари уже настолько смеют, что подходят к кострам... пропавшие дети — уже не просто трясина.

— Скорее всего, всё ещё трясина, — автоматически по-

правил он, но в его голосе не было прежней железной уверенности. Была усталая готовность к худшему. — Но проверим. Быстро и тихо. И уйдём. Это место... оно на слуху. И не только у нас.

Они закончили сборы за две минуты. Лагерь исчез, как будто его и не было. Только примявшаяся трава да горстка холодного пепла под слоем земли говорили о том, что здесь кто-то отдыхал. Теодор бросил последний взгляд на ту чашу, где таилось светящееся нечто. Он не чувствовал на себе взгляда. Но чувствовал внимание. Будто сам лес, пропитанный старой болью и новой порчей, теперь следил за ними.

— За мной, — коротко бросил он и шагнул в темноту, не в сторону тропы, а в глухую чашу, где было труднее идти, но где их не ждали. Изабелла, не колеблясь, последовала за его тёмным силуэтом.

Они шли, и каждый шорох под ногами казался теперь громким, каждый лунный луч, пробивающийся сквозь тучи, — разоблачающим. Они были охотниками, на которых теперь тоже открыли охоту. Не людьми. Чем-то другим. Тем, что ждало в тени вековых предательств и медленно раскрывающихся ран мира.

А в дневнике Изабеллы, в кармане её плаща, лежала но-

вая, ещё не записанная мысль: «Аномалия №... место, дата. Ночное наблюдение. Неагрессивная, но любопытствующая тварь с биолюминесценцией разложения. Скорее всего, сыщик или «чувствительный орган» более крупного явления. Подтверждает гипотезу о географической привязке к линиям исторического разлома».

Они шли на север. К Кривому Ручью. К детям. К следующему фрагменту правды в мире, где сама ложь начала порождать чудовищ.

Глава 2: Ночной кошмар

Они не дошли до Кривого Ручья. Теодор, при всей своей выносливости, знал предел — и предел был у Изабеллы. После ночной тревоги и нескольких часов пути по труднопроходимой чащобе её шаги стали заплетаться, а плечи опустились под тяжестью не столько рюкзака, сколько накопленного напряжения. Он нашёл укрытие — не пещеру, а своего рода природную нишу под нависшей скалой, скрытую от взглядов густым покровом дикого хмеля. Место было сухое, защищённое от ветра и с единственным подходом, который легко контролировать.

Костра не разводили. Съели по горсти орехов и сушёных ягод, запили водой из фляги. Разговор не клеился. Да и не до разговоров было. Теодор устроил Изабелле подобие ложа из еловых лап, отдал свой плащ поверх её собственного.

— Спи, — сказал он коротко. — Я первую вахту...

Она хотела возразить, что так не честно, что она может постоять, но её тело предательски молило о пощаде. Она лишь кивнула, завернулась в плащ, пахнувший дымом, лесом и его запахом — кожей, сталью, чем-то неуловимо горьким — и почти мгновенно провалилась в тяжёлый сон.

Теодор сел у входа в нишу, спиной к скале, чтобы видеть подход. Меч лежал на коленях. Ночь была глухой, безлунной. Он заставлял себя бодрствовать, перебирая в уме детали: звук щелчка, тусклое свечение, направление бегства твари. Карта в голове. Расстояния. Время. Сухой, проверенный способ не думать о другом.

Но усталость была сильнее. Она подкрадывалась не волной, а тихим, ядовитым туманом, затуманивая края сознания. Веки стали тяжёлыми. Опорная спина чувствовала тепло камня, накопленное за день. И прежде чем он успел осознать это, сторожевой пост в его мозгу дал сбой.

Он не уснул. Он провалился.

Он снова в каменном мешке. Не в лесу. В Вейхендорфе. В подземельях Цитадели Ордена. Воздух тяжёлый, пропитанный запахом крови, пота, страха и ладана — сладковато-прииторным, пытающимся перебить смрад, но лишь делающим его ещё более тошнотворным. Сквозь стену сочится влагой. Где-то капает вода. Металлический, ритмичный звук.

Это звук его работы.

В руке — не меч. Плеть. Не та, что для лошадей, а осо-

бая, с узлами из закалённой проволоки. Она тяжело лежит в ладони, знакомая, как продолжение руки. Перед ним — человек. Лица не разглядеть. Только тень, прикованная к стене цепями. Спина представляет собой один сплошной кровавый рубец. Дышит прерывисто, со свистом.

Голос за его спиной. Гладкий, убедительный голос Наставника, брата Марка:

— Он знает, Теодор. Он знает, где спрятаны еретические свитки. Он знает имена других. Его упрямство губит души. Твоя рука — инструмент милосердия. Ты освобождаешь его от лжи. Каждый удар — ступень к истине. Во имя Пылающего Сердца.

Он поднимает руку. Мускулы сами помнят траекторию. Размах. Щёлкающий звук в воздухе. Глухой шлёпок о мокрую кожу. Тихий стон. Не крик. У этого человека уже нет сил кричать.

— Во имя Пылающего Сердца, — повторяет его собственный голос, плоский, лишённый всякой интонации. Он верит. Он должен верить. Иначе зачем всё это?

Но затем картина меняется. Человек у стены поднимает голову. И это — лицо Мастера Олафа. Мудрые, добрые глаза, теперь помутневшие от боли, смотрят на него не с нена-

вистью. С жалостью.

— Дитя моё, — хрипит Олаф, и кровь вытекает у него из угла рта. — Ты так стараешься... для какой лжи?

И за его спиной — не брат Марк. Тень, длинная, искажённая, с горящими угольками вместо глаз. И она смеётся. Беззвучно.

Теодор отшатывается. Плеть выпадает из его руки, превращаясь в змею, которая шипя уползает в темноту. Он хочет закричать, что это не он, что его обманули, но из его горла вырывается только хрип. А цепей на стене уже нет. Олаф падает на каменный пол, превращаясь в кучу пепла. И из пепла этого поднимаются другие тени. Десятки. Сотни. Лица мужчин, женщин, даже детей. Все, кого он... все, кого «инструмент милосердия» коснулся. Они не набрасываются. Они просто стоят. Молчат. Смотрят. Их безмолвие — страшнее любого обвинительного приговора.

И он слышит. Слышит то, что старался не слышать тогда, заглушая собственной праведной яростью: тихий плач женщины в соседней камере; скрежет зубовой старика, чью веру он пытался «очистить»; детский шёпот, спрашивающий: «Мама, почему этот человек такой злой?»; и свой собственный чужой голос, методично задающий вопросы.

Этот хор отчаяния нарастает, заполняет каменный мешок, давит на барабанные перепонки, лезет в череп, пока не остаётся один всепоглощающий звук — немой крик его собственной души, разрывающий грудь изнутри.

— ...дор.

Голос. Не из кошмара.

— Теодор.

Чистый, твёрдый, как луч света, пронзающий толщу грязной воды. Не из прошлого.

Он дёрнулся всем телом, как от удара током. Глаза открылись, но видели сначала лишь размытые пятна. Он сидел, прижавшись спиной к скале, но его тело было напряжено до дрожи, пальцы впивались в рукоять меча так, что кости белели под кожей. По его лицу, по щекам, по шее струился холодный пот, смешиваясь с... слезами? Да. Предательская влага на скулах. Он задыхался, ловя воздух короткими, прерывистыми рывками, как человек, выброшенный на берег после кораблекрушения.

Перед ним, на корточках, в полуметре, была Изабелла.

Она не касалась его. Не трясла за плечо. Она просто сидела, сторбившись в своём плаще, и смотрела на него при тусклом свете начинающегося рассвета. Её лицо было бледным от недосыпа, но абсолютно спокойным. В её глазах не было ни страха, ни брезгливости, ни даже сочувствия в его обычном, слабом понимании. Было понимание. И ожидание.

Он попытался сказать что-то. «Всё в порядке». «Просто кошмар». Пустые, шаблонные фразы, которые должны были отгородить его, вернуть стены. Но язык заплетался, губы не слушались. Вместо этого из груди вырвался глухой, сдавленный стон — звук раненого зверя.

Изабелла медленно, давая ему время отпрянуть, подняла руку. Не к его лицу. К его плечу, которое всё ещё содрогалось от остаточных спазмов. Её пальцы легли на грубую ткань его рубахи, чуть выше того места, где под ней скрывался старый шрам — память о битве, а не о пытках.

Её прикосновение было тёплым, твёрдым, реальным. Якорем.

— Это был не ты, — произнесла она тихо, но очень чётко. Каждое слово падало, как капля, в огонь его паники, заставляя её шипеть и отступать. — Тот человек, который это делал... он верил в ложь. Он служил лжи. Он мёртв.

Он смотрел на неё, всё ещё не в силах говорить, его глаза широко раскрыты, в них читалась животная боль и стыд. Столько стыда.

— Ты здесь, — продолжала она, не убирая руки. — В лесу. Со мной. Ты только что спас нас от того, что подкрадывалось ночью. Ты ведёшь нас к Кривому Ручью, чтобы помочь. Это — кто ты сейчас.

Он закрыл глаза, с силой сжав веки, пытаясь выдавить остатки видений. Голос Изабеллы пробивался сквозь навязание, как колокол сквозь туман. «Мёртв... Тот человек мёртв...»

Дышать стало немного легче. Дрожь в плече под её ладонью начала утихать. Он сделал глубокий, прерывистый вдох, потом выдох. Воздух пах мхом, хвоей и влажной землёй. Реальностью.

Он не позволил себе дрогнуть перед ней. Никогда. Он был скалой, щитом. А сейчас... он был разбит, обнажён, и она видела всё. И не отворачивалась.

Медленно, будто каждое движение давалось огромным усилием, он поднял свою руку и накрыл её ладонь, лежащую

на его плече. Не чтобы убраться. Чтобы придержать. Чтобы почувствовать эту связь с настоящим, с тем, что было после всего того кошмара.

Он не сказал «спасибо». Он не сказал ничего, просто сидел, держа её руку под своей. Дышал, приходя в себя, пока серое утро не начало разливаться по лесу, разгоняя последние, самые цепкие тени ночи — и те, что снаружи, и те, что внутри.

Свет прибывал не спеша, пробираясь сквозь хвойный полог неяркими, пыльными лучами. Он не нес тепла — лишь холодную ясность. Влажная от росы паутина на хмеле заблестела, как сеть из серебряной проволоки.

Теодор первым убрал руку. Движение было осторожным, не резким, но окончательным. Контакт прервался. Он потёр ладонью лицо, смахивая остатки пота и влаги, и когда опустил руку, на его лице уже была привычная маска — чуть более измотанная, с более глубокими тенями под глазами, но узнаваемая. Стена, пусть и с новыми трещинами, была спешно восстановлена.

Он поднялся, костяшки позвонков хрустнули. Отвернулся, делая вид, что осматривает подход к их укрытию.
— Рассвело. Проверю периметр, — его голос был хрип-

лым, но твёрдым. Деловой. — Собери вещи. Через четверть часа выходим.

Изабелла не стала ничего говорить. Не стала спрашивать «как ты себя чувствуешь» или «хочешь поговорить». Она поняла этот ритуал ещё неделями ранее. Его способ прийти в себя — действие. Любое действие. Она просто кивнула, хотя он её и не видел, и принялась сворачивать свой плащ, укладывая дневник в сумку. Её пальцы двигались спокойно, но ум лихорадочно работал.

Он просил прощения не у призраков, а у самого себя. И в этом был ключ. Это не было раскаянием перед лицом богов или закона. Это была внутренняя казнь, повторяющаяся каждую ночь. И её слова... они попали в точку. Не утешили, но обозначили границу. Между тогда и теперь. Между человеком, которым его сделали, и человеком, которым он пытался стать.

Теодор вернулся через несколько минут. Он принёс пригоршню мокрых, кисловатых лесных ягод и кореньев.

— Завтрак, — бросил он, положив их на плоский камень рядом с ней. — Вода в ручье в пятидесяти шагах вниз по склону. Чистая. Можно наполнить фляги.

Они позавтракали молча. Ягоды были терпкими, коренья

горчили. Но это была еда. Реальная. Теодор ел, глядя на тропинку, что вела прочь от их ночлега. Его взгляд был сосредоточенным, аналитическим. Он уже строил маршрут в голове, рассчитывал время.

— До Кривого Ручья, если идти напрямик через старухин лес, — четыре часа, — сказал он наконец, не глядя на неё. — Но старухин лес... там грунт зыбкий. Топи. Могут быть следы.

— Следы детей? — спросила Изабелла.

— Следы всего, — мрачно ответил он. — Есть путь длиннее. По старой лесовозной дороге. На час больше. Но открыто. Риск встретить кого-то.

— Кого? — Она уже знала ответ.

— Людей. А люди сейчас чаще опаснее тварей.

Он замолчал, размышляя. Она наблюдала за ним. Видела, как его мозг взвешивает риски: топи и неведомое против открытого пространства и вероятных врагов. Это был знакомый Теодор. Но сегодня утром она видела и другое. Под этой расчётливой броней клокотала уязвимость, которую уже невозможно было игнорировать. Ни для неё, ни, что

важнее, для него самого.

— Идём через лес, — решительно сказала она.

Он медленно повернул к ней голову, удивлённо приподняв бровь.

— Топи. И «симптомы», как ты говоришь. Тварь прошлой ночи могла быть оттуда.

— Именно поэтому, — она встретила его взгляд. — Если там что-то происходит, если это связано с пропажей детей... нам нужны не просто их найти или не найти. Нам нужно понять что. Это уже не просто контракт, Теодор. Ты сам это видишь.

Он смотрел на неё долго. Искал в её глазах следы страха, иррационального порыва. Не находил. Находил только холодную решимость. Решимость учёного, столкнувшегося с неизвестным феноменом. И что-то ещё. Доверие к нему. Уверенность, что даже через топь, даже через кошмар, он её проведёт.

Он отвернулся, резко поднялся.

— Через лес, значит. Но ты делаешь всё, как я скажу. Каждый шаг. Поняла?

— Поняла.

Сборы заняли ещё несколько минут. Перед тем как двинуться в путь, Теодор замер на мгновение, глядя на то место, где он сидел ночью. На земле, помятой его телом. Он сделал глубокий вдох, будто пытался вдохнуть в себя этот рассвет, этот холодный, чистый воздух, вытесняя остатки подвальной смрадности.

— Изабелла, — сказал он, всё ещё не глядя на неё.

— Да?

— Спасибо. За то, что разбудила.

Он не сказал «за то, что была там». Не сказал «за то, что поняла». Просто — «разбудила». От кошмара. От прошлого. Вернула в настоящее.

Она ничего не ответила. Просто поправила ремень сумки на плече.

Он шагнул первым, раздвигая лиану хмеля, и исчез в серо-зелёном полумраке утра. Изабелла последовала за ним, ступая точно в его следы. Дорога впереди вела в чащу, в топи, к тайне Кривого Ручья. Но сейчас, в этот хрупкий момент после бури, важнее была дорога, которую они только

что прошли здесь, у скалы. Дорога от безмолвного крика в темноте к тихому признанию на рассвете.

Глава 3: Контракт на гримвольфа

Старухин лес не хотел, чтобы через него проходили. Это чувствовалось сразу, с первых же шагов под сомкнувшийся, как погребальный свод, полог вековых елей и скрюченных, больных ольх. Воздух здесь не просто пах сыростью и гнилью — он был ею. Густой, вязкой, сладковато-тошнотворной. Он облеплял кожу, застревал в горле, заставляя дышать мелкими, неглубокими глотками.

Теодор шёл первым, выбирая путь с инстинктивной осторожностью зверя, чувшего капкан. Он не ступал на мох, отливающий неестественным сизым цветом, обходил корни, с которых сочилась липкая, напоминающая смолу субстанция. Его взгляд непрерывно сканировал не только пространство, но и саму материю вокруг: форму листьев, цвет коры, узор на почве.

— Здесь, — он приостановился, указывая подбородком на землю у подножия огромного пня. Пень был черным, как обугленное мясо, и из его трещин пузырилась та же сизая слизь. А рядом, в грязи, отпечатался след. Не волчий, не медвежий. Коготь с тремя пальцами, неестественно длинными и искривлёнными, будто их вывернули, а затем заморозили в мучительном изгибе. Земля вокруг следа была не просто

прямой — она казалась выжженной, рассыпающейся серой пылью.

— Гримвольф, — без эмоций констатировал Теодор. — Свежий. Часа три, не больше.

— Коготь... искажает то, к чему прикасается? — Изабелла присела на корточки, не касаясь земли, и внимательно изучила отпечаток. В её глазах горел не страх, а холодный аналитический огонь. Она достала дневник и быстрым штрихом сделала зарисовку.

— Разлагает. Или заставляет забыть о связях, скрепляющих материю, — сказал он, глядя на пень.

— Видишь? Древесина не гниёт естественно. Она распадается на прах, минуя стадию тления. Это не болезнь. Это... разрушение.

Они двинулись дальше, следы вели их вглубь, к самым топким местам. С каждым шагом лес менялся, искажался. Вот ствол березы, закрученный в неестественную спираль, будто гигантская рука поиграла им, как лентой. Вот группа мухоморов, выросших в идеальной геометрической сетке, их шляпки испещрены не случайными белыми точками, а чёткими, повторяющимися рунами, от которых слезились глаза. Воздух начал звенеть — не звуком, а давлением в ушах,

тонким, высоким писком, стоящим на грани слышимого.

Теодор чувствовал, как по его спине бегут мурашки. Это был не страх перед конкретной тварью, а глубинное, инстинктивное отвращение к тому, что происходило с миром. Его реальность, всегда построенная на твёрдых законах — законе клинка, законе веры, законе физики, — здесь давала трещину. Изабелла шла за ним, её дыхание участилось, но шаг оставался твёрдым. Она записывала всё: и спираль дерева, и руны на грибах, и частоту того самого писка.

— Это не просто следствие войны, — прошептала она, больше для себя. — Это активное... внедрение. Иной логики. Хаоса, который маскируется под порядок, но порядок больной, вывернутый. Гримвольф — не его источник. Он продукт. Носитель. Как та светящаяся слизь вчера.

Теодор не ответил. Он замер, резко подняв руку. Впереди, в полумраке меж стволов, виднелась полоса более яркого света — край леса. Но между ними и этой полосой лежало то, что когда-то, должно быть, было лесным озерцом или старицей реки. Теперь это было болотце, покрытое маслянистой, переливающейся всеми цветами гнили плёнкой. Над ним стоял туман странного, лилового оттенка. И в тумане том медленно плавали огоньки — такие же, как вчерашние, но их были десятки. Они пульсировали в такт писку в ушах.

— Обходить, — тихо, но чётко сказал Теодор. — Ни шага на эту почву.

— Но следы... — начала Изабелла.

— Ведут прямо туда, — он кивнул в сторону топи. — Значит, он может там ходить. Или ему всё равно. Нам — нет.

Они стали обходить топь по краю, где корни деревьев, словно скрюченные пальцы утопающих, цеплялись за твёрдую землю. Идти приходилось медленно, почти на ощупь. Теодор шёл, непрерывно проверяя опору под ногами древком копья, которое нёс в левой руке. Правая всегда была свободна для меча. Напряжение росло. Писк в ушах усиливался, начинало слегка подташнивать.

Изабелла вдруг резко остановилась, схватившись за ствол. — Теодор. Смотри.

Он обернулся. Она указывала на одно из «светлячков», что отделилось от общей массы и медленно плыло к ним, следуя за их движением по краю. При ближайшем рассмотрении это была не просто светящаяся точка. Это был маленький, студенистый шарик, из которого тянулись тонкие, похожие на щупальца нити. И в его прозрачном теле плавало...

глазное яблоко, человеческое, с синей радужкой и расширенным от ужаса зрачком.

— Часть наблюдателя, — сдавленно прошептала Изабелла. — Они не просто светятся. Они смотрят.

Теодор почувствовал ледяной холод у самого основания черепа. Он не раздумывал. Быстрым, резким движением он снял с пояса пращу, вложил округлый речной камень и, сделав короткий размах, метнул. Камень со свистом рассеял лиловый туман и насквозь прошёл студенистый шарик. Тот лопнул беззвучно, брызнув сгустком тусклого света и слизи. Глаз упал в трясину и медленно пошёл ко дну.

На миг воцарилась тишина. Писк прекратился. Все светящиеся точки замерли, а затем, как по команде, дружно рванули вглубь топи, прочь от них, растворяясь в лиловой мгле.

Тишина стала ещё страшнее.

— Бежим, — хрипло сказал Теодор. — Сейчас. Прямо через чащу. Не оглядываясь.

Они уже не выбирали путь. Они ломались сквозь хворост, царапаясь о ветки, спотыкаясь о корни, но не останавливаясь. Позади, из глубины топи, донёсся долгий, тоскливый, полный неподдельной ярости вой. Не волчий. Не звериный.

Это был звук ломающейся, извращённой плоти и костей. Голос гримвольфа, потерявшего свои глаза.

Они вывалились на опушку, как выброшенные штормом на берег, спустя десять минут безумной скачки. Перед ними расстилались поля, а вдаль, в дымке, виднелись крыши и дымок из труб. Кривой Ручей.

Теодор, опираясь на колени, тяжело дышал. Не от усталости — от выброса адреналина и того мерзкого давления, что наконец-то отпустило его голову. Изабелла стояла рядом, бледная, но собранная. Она смотрела не на деревню, а назад, в сизую мглу леса, из которого они только что вырвались.

— Он знал, что мы здесь, — тихо сказала она. — Он использовал этих... «смотрящих». Чтобы наблюдать. Это не животное, Теодор. Это тактика.

— Всё хуже, — выпрямился он, с ненавистью отряхивая с плаща липкую паутину. — Деревня впереди. И теперь мы точно знаем, что их беда не ушла в трясину. Она на них охотится. Умно.

Он посмотрел на её лицо, увидел в нём ту же леденящую решимость, что и в своём собственном сердце. Контракт на гримвольфа только что перестал быть простым заданием.

Это стало сражением на самой границе реальности.

— Готовься, — сказал Теодор, вынимая меч и проверяя крепление ремня на рукояти. — В Кривом Ручье нас ждёт не просто староста. Там ждёт поле боя.

Кривой Ручей оказался не деревней, а большим, умирающим селом. Заборы стояли покосившиеся, в некоторых дворах виднелся неубранный с прошлого года хворост, а воздух, хоть и свободный от сладковатой лесной гнили, был тяжёл другим — страхом. Он висел плотной пеленой: в слишком быстро захлопывающихся ставнях, в пустых взглядах женщин у колодца, в воющих на цепи тощих псах, которые, завидев чужаков, не лаяли, а жались к земле, поджимая хвосты.

Их встретили не сразу. Сперва за ними просто наблюдали из-за углов и щелей в заборах. Теодор шёл посередине единственной улицы, демонстративно не пряча меч, но и не выставляя его напоказ. Его осанка, прямые плечи и холодный, оценивающий взгляд кричали: «Военный. Опытный. Не бандит». Изабелла шла чуть сзади, её внимание было приковано к деталям: сломанная ловушка на волка у калитки с неестественно скрученной пружиной, подвявший на корню куст бузины, чьи ягоды почернели и сморщились, будто их высушило за ночь.

Старосту нашли в самой большой, но оттого не менее обветшалой избе у заглохшей кузни. Мужчина лет пятидесяти, с лицом, изъеденным не годами, а постоянным ужасом, вышел на крыльцо, заслышав шаги. Он не протянул руку, лишь судорожно обхватил свои локти, будто мёрз.

— Уходите, — прохрипел он, прежде чем они успели раскрыть рот. — Ничего у нас нет. Ни еды, ни денег. И чумы здесь нет. Всё чисто.

— Мы не из Ордена, — чётко и громко сказал Теодор, чтобы слышали и те, кто притаился в соседних домах. — Мы не ищем чуму. Мы ищем зверя. Того, что режет скот и пугает людей. Гримвольфа.

Слово подействовало, как удар хлыста. В окнах мелькнули испуганные лица. Староста побледнел ещё больше.

— Не знаю я никакого... Ничего мы не звали. Сами справимся.

— Дети, — тихо, но так же чётко сказала Изабелла, делая шаг вперёд. Её голос, образованный и твёрдый, контрастировал с хриплым шёпотом старосты. — Трое, как нам сказали на дороге. Пропали за последнюю неделю. Мальчик и две девочки. Вы их ищете?

Староста заколебался. В его глазах шла борьба: страх перед тварью против страха перед ответственностью, против стыда.

— Ищем... — он сдался, плечи его обвисли. — Но не находим. И скотина... осталась вчера в загоне одна тёлка. Утром... утром она была как эта. — Он мотнул головой в сторону загона.

Теодор первым подошёл к изгороди. Изабелла, преодолевая спазм брезгливости, последовала за ним. Телка лежала на боку. Она не была растерзана. Она выглядела так, будто её... разобрали. Шкура была цела, но под ней угадывалась неестественная, геометрически неправильная форма костей, будто скелет сложили заново, не глядя на схему. Глаза животного были открыты и полны не животного ужаса, а какой-то леденящей, осознанной пустоты. И самое страшное — от тела не шёл запах смерти. Шёл запах старой пыли, сухого пергамента и озона, как после удара молнии.

— Оно не ест, — пробормотал Теодор, вглядываясь. — Оно... переделывает. В своё подобие. — Он вспомнил следы, превращавшие землю в прах, скрученные деревья.

— Дети... — начала Изабелла, и голос её дрогнул.

— Могут быть ещё живы, — резко оборвал её Теодор, не давая развиться панике — и в ней, и в окруживших их мужиках. — Если оно не убивает сразу. Если ему нужны... жи-

вые материалы.

Он повернулся к старосте.

— Где они пропали? Покажи все места.

Расследование было быстрым и мрачным. Места пропажи детей образовывали почти идеальный треугольник на окраинах села, упирающийся одним углом в опушку Старухина леса. Последней пропала девочка лет восьми — Арин. Она пошла за водой к ручью, что протекал как раз по границе с лесом. Её маленькое ведёрко нашли перевёрнутым. А земля вокруг... была усеяна теми же сизыми, пыльными пятнами, что и в лесу.

— Оно заманивает, — сказала Изабелла, осматривая место. Она указала на кусты. — Смотри, ветки сломаны не внутрь, к лесу, а наружу. Будто она сначала зашла туда, а потом побежала обратно. Но не успела.

Теодор уже изучал саму опушку. Его взгляд упал на странный предмет, засыпанный листьями у корня сосны. Он наклонился и поднял его кончиком меча. Это была кукла. Тряпичная, самодельная. Но одна её половина — та, что, видимо, упала в сизое пятно — была не просто грязной. Ткань и набивка рассыпались, превратившись в тот же сухой, безжизненный прах, обнажив скрюченные, почерневшие пру-

тики-кости. Кукла смотрела на мир одним стеклянным глазом-бусиной, второй впадиной, полной пыли.

В этот момент с другой стороны деревни раздался душе-раздирающий крик. Женский. Полный такого отчаяния, что кровь стыла в жилах.

Теодор и Изабелла переглянулись и, не сговариваясь, бросились на звук.

Крик шёл из полуразвалившегося сарая на отшибе. У входа, обхватив голову руками, билась в истерике молодая женщина. Вокруг столпились перепуганные соседи.

— Там... там он! В углу! Он смотрит! — завывала она.

Теодор грубо отодвинул толпу, встал в дверном проёме, заслонив Изабеллу. Внутри было темно, пахло сеном и чем-то едким, химическим. Свет из двери выхватывал груды старого хлама. И... в дальнем углу, там, где сходились две стены, тень лежала неправильно. Она была не просто густой. Она была плотной. И в её глубине светились две точки. Не глаза. Слишком яркие, слишком геометрически правильные, как капли расплавленного свинца.

Оно было здесь. В самой деревне. Прячась в закоулке, созданном людьми, и наблюдая. Ожидая.

Теодор медленно вытащил меч. Звук выхода клинка из ножен был громким в гнетущей тишине.

— Изабелла, — тихо сказал он, не отводя взгляда от светящихся точек. — Отведи людей подальше. И найди соль, железные опилки, смолу — всё, что горит ярко и долго. Оно не уйдёт. Оно пришло за следующим.

Тишина в сарае была звонкой, напряжённой, как струна перед разрывом. Теодор стоял в дверном проёме, заслоняя собой весь мир снаружи. Его меч, инквизиторский клинок с выщербленным от долгого ношения символом Пылающего Сердца на гарде, был направлен остриём в темноту, где светились эти две немигающие точки. Он не нападал. Нападение вслепую на такое существо было самоубийством.

— Я вижу тебя, — сказал он тихо, но твёрдо. Голос не дрожал. — Ты не уйдёшь. Ты загнан.

Из темноты донёсся звук. Не рык, не вой. Сухой, бумажный шелест, будто переворачивают страницы древнего, рассыпающегося фолианта. И голос. Он был составным, наложенным друг на друга, как эхо в пустой раме: детский плач, хрип старухи, скрежет железа по камню.

«За-гнан? Я... дома. Они... пригласили. Страхом. Он пахнет... сладко. Гораздо слаще... их плоти.»

Теодор почувствовал, как по спине пробежал холодок. Оно говорило. Мыслями? Искажёнными обрывками чужих воспоминаний?

— Дети. Где они? — бросил он, стараясь говорить просто и чётко.

«Дети... целы. Пока. Они... не сопротивляются. Их реальность... гибка. Её легче... переписать. Сделать... красивой. Как куклу.»

Вспомнив куклу с одним глазом-пылью, Теодор сжал рукоять меча до хруста в костяшках. За его спиной послышались шаги и тяжёлое дыхание. Изабелла.

— У меня есть соль, — прошептала она. — И железная стружка из кузницы. Смола в котле. Но огня... огня рядом нет, только тлеющие угли.

— Пару минут, — сквозь зубы процедил Теодор. — Оно говорит. Дети живы.

Изабелла сделала шаг вперёд, встала рядом с ним, в полумраке у входа. Она смотрела не на светящиеся точки, а на саму структуру темноты.

— Ты питаешься страхом? — спросила она громко, чётко,

как учёный на диспуте. — Или... порядком? Ты наводишь свой порядок, превращая живое в статичную, мёртвую форму. Как геометрические грибы. Как скрученные деревья.

Тень в углу дрогнула. Светящиеся точки сузились, будто в недовольстве.

«Мастер... знает. Слово... режет. Не надо... слов. Тишина... совершенна. Без движения... без боли.»

— Ты служишь Хаосу, — продолжала Изабелла, и в её голосе зазвучала неоспоримая уверенность. — Который приотворяется Порядком. Ты — инструмент. Где твой хозяин? Кто выпустил тебя сюда?

В ответ раздался пронзительный, визгливый звук, от которого задребезжали стёкла в единственном оконце. Тень рванулась с места. Она двигалась не как зверь, а как порыв чёрного ветра, искажая пространство вокруг себя. Пол под ней рассыпался в серую пыль, стружки сена в воздухе скрючивались и чернели.

«ОТВЕТА НЕ БУДЕТ!»

Теодор оттолкнул Изабеллу назад, за дверной косяк, и сам прыгнул в сторону, к груде старых бочек. Коготь, длинный, кривой и полупрозрачный, будто из чёрного кварца, просви-

стел в сантиметре от его лица, разрезая воздух с шипением, будто прожигая его. Запах озона ударил в нос.

Теодор приземлился в кувырке, немедленно вскочил на ноги. Существо теперь было видно. Оно было худым, неестественно вытянутым, покрытым не шерстью, а чем-то вроде коротких, ломких щетинок, отливающих цветом влажного пепла. Его морда была удлинённой, но лишённой всех черт живого существа — просто клин, утыканный щербатыми иглами-зубами. А глаза... глаза были именно что каплями жидкого металла, в которых плясали отражения искажённого сарая.

Гримвольф повернул к нему голову. Теодор занёс меч для удара, но в последний миг увидел, как тварь просто ткнула когтем в бочку рядом. Древесина не раскололась. Она... расслоилась, распавшись на идеальные, сухие дощечки, которые тут же рассыпались в пыль. Искажение расплзлось, как паутина, по полу, устремляясь к его ногам.

— Соль! — крикнул Теодор, отскакивая.

Изабелла, не раздумывая, швырнула в открытый дверной проём горсть крупной соли. Белые кристаллы рассыпались по полу перед наступающим чудовищем. И случилось неожиданное: там, где соль касалась серых, «заражённых»

участков пола, раздавалось тихое шипение, и искажение замедлялось, будто натываясь на невидимый барьер. Гримвольф отпрянул с тем же бумажным шелестом, но теперь в нём слышалось раздражение, почти боль.

«Простое... грубое... прошлое моря... мешает Чистоте!»

— Железо! — скомандовала Теодор, понимая тактику. — Оно не любит простых, древних элементов! Они слишком устойчивы!

Изабелла бросила горсть железных опилок. Мелкая металлическая пыль осела на щетинистую шкуру твари. Там, где она касалась, пошёл дымок, и гримвольф взвыл — на этот раз по-настоящему, голосом плоти и боли. Он затрясся, сбрасывая с себя опилки, но они, казалось, прилипали, вгрызаясь в его неестественную форму.

Теодор увидел шанс. Он рванулся вперёд, но не для рубящего удара — клинок мог просто рассыпаться при контакте. Он нанёс удар плашмя, широкой стороной, как дубиной, по боковой поверхности вытянутой морды. Раздался сухой, деревянный треск. Гримвольф отлетел в сторону, врезаясь в стену. Стена не обрушилась, а покрылась сеткой идеальных, как по линейке, трещин.

Тварь поднялась. В её светящихся глазах горела уже не отстранённая ярость, а личная, жгучая ненависть. Она смотрела на Изабеллу.

Она собралась для прыжка через всю длину сарая, прямо на девушку в дверях. Теодор был слишком далеко, чтобы успеть.

Изабелла не отступила. В её руке блеснула маленькая, кухонная ложка-ковш, полная густой, дымящейся смолы, которую она успела зачерпнуть из остывающего котла. И она не стала ждать. С криком, в котором было больше ярости, чем страха, она шагнула навстречу прыжку и выплеснула раскалённую липкую массу прямо в светящиеся глаза чудовища.

Раздался звук, похожий на шипение раскалённого металла в воде. Гримвольф врезался в пол перед ней, катаясь и сдирая с морды дымящуюся смолу, которая, смешиваясь с железными опилками и солью, казалось, причиняла ему невыносимые страдания. Его когти бессильно царапали каменный пол, оставляя на нём геометрические узоры, но сила, стоящая за ними, дрожала и рвалась.

Теодор был уже рядом. Он не стал использовать меч. Он схватил вилы, стоявшие у стены, и с размаху вонзил их твари в бок, пригвоздив к полу. Древесина древков тут же начала

рассыпаться, но железные наконечники держали. На мгновение их взгляды встретились — человека и зверя.

«Они... обещали... новый мир... без лжи...» — прошептал голос в его голове, уже слабея, теряя составность, превращаясь в детский лепет. «...где всё... на своих местах...»

— Кто? — рявкнул Теодор, нажимая на вилы.

Но свет в глазах твари уже гас. Её тело начало быстро терять форму, не распадаясь на части, а как бы растворяясь в воздухе, оставляя после себя лишь кучку пепла, пахнущего озоном и пеплом, да три странных, идеально круглых камешка чёрного обсидиана, холодных на ощупь.

В сарае воцарилась тишина. Дышать стало легче. Давление, искажавшее реальность, исчезло.

Изабелла, дрожа, опустилась на колени. Теодор, тяжело дыша, вытащил вилы. От них остались только железные острия.

Снаружи, осторожно, показался староста.

— М... мёртв?

— Мёртв, — хрипло подтвердил Теодор. — Дети. Сказал, что они целы. Где оно могло их держать?

Староста, осмелев, вошёл внутрь, озираясь с суеверным страхом.

— Есть... старый ледник за селом. Заброшенный. Там глубоко, холодно. Никто туда не ходит — говорят, там ещё с прошлой войны...

Не дожидаясь конца фразы, Теодор уже шагал к выходу. Изабелла, преодолевая дрожь в ногах, последовала за ним.

Ледник оказался неглубоким погребом, вырытым в склоне холма. Дверь была завалена хворостом, но её легко отодвинули. Внутри, в ледяном мраке, сидели, прижавшись друг к другу, трое детей. Они не плакали. Они смотрели перед собой стеклянными, отстранёнными глазами. На их руках и щеках проступали странные, симметричные узоры, будто от легкого обморожения, но узоры эти были слишком геометричны, чтобы быть естественными. Когда на них упал свет, они заморгали, и в их взглядах медленно возвращалось осознание, а с ним — тихий, безутешный плач.

Их вынесли на руках, завернули в плащи. Женщина, мать Арин, рыдала, обнимая свою дочь, которая не могла говорить, только смотрела на свои руки, как на чужие.

Расплатились едой и, что ценнее, информацией: староста, теперь разговорчивый и бесконечно благодарный, на проща-

нье сунул Теодору смятый клочок пергамента.

— Это... я у одного из тех «багровых плащей» подобрал, когда они здесь две недели назад проходили. Обронил, не заметил. Я читать не умею, но...

Теодор развернул бумагу. Это была инструкция, написанная строгим канцелярским почерком. «Протокол №7-Г. Распыление реагента «Спокойствие» в зонах повышенной социальной напряжённости для генерации управляемых аномалий с последующей героизацией ликвидации». Внизу стояла печать местного коменданта Ордена Пылающего Сердца и подпись: «Брат ИллариЙ».

Изабелла, взглянув через плечо, побледнела.

— Они... создают их. Намеренно. Чтобы потом прийти и «спасти» всех, укрепив свою власть. Это...

— Грязная игра, — закончил за неё Теодор, сжимая пергамент в кулаке. Голос его был низким и опасным. — И мы в неё ввязались. Мы сорвали один ход. Но они теперь знают, что их игрушки кто-то ломает.

Они уходили из Кривого Ручья на закате. Деревня начала оживать, но в воздухе ещё витала тень пережитого кошмара. Дети молчали. Изабелла шла, обернувшись назад, на тёмный силуэт Старухина леса.

— Его «новый мир»... это мир без перемен. Без роста. Вечная, мёртвая статика. И люди... готовы принять такой порядок из страха перед хаосом. Это и есть их оружие.

Теодор молчал. Он смотрел на дорогу, уходящую на север. Он думал не о философии, а о практическом: у них теперь есть доказательство. Но оно же делает их целью. Они не добились громкой справедливости. Они тихо спасли одну деревню и сделали врага могущественнее.

— Мы не можем спасти всех, — тихо сказал он, повторяя их старый рефрен.

— Но мы спасли этих, — ответила Изабелла, уже без прежней идеалистической надежды, а с горькой, твёрдой решимостью. — И узнали правду. Это тоже оружие. Просто им нельзя бить в лоб. Его нужно... посеять.

Они шли, и тени от заходящего солнца тянулись длинными, искажёнными полосами. Позади оставалась деревня, ледник, пепел гримвольфа и три чёрных обсидиановых камня, лежавших на дне сумки Изабеллы — немые свидетели того, что тьма, надвигающаяся на Вейльгард, имеет не только клыки и когти, но и холодный, расчётливый интеллект.

Глава 4: Кровь и признание

Три чёрных камня жгли карман Изабеллы. Не физически, но их присутствие ощущалось как постыдная тяжесть, как взведённая пружина. Каждый шаг по северной дороге, уводящей от Кривого Ручья, казался им обоим громким, как барабанная дробь. Они шли не по тропе, а параллельно ей, в чаще, используя навыки Теодора, чтобы не оставлять чёткого следа. Но тишина, что их окружала, была обманчивой. Воздух был наполнен предостережением.

— Они не будут ждать, — на ходу проговорил Теодор, его глаза беспрестанно метались по склонам поросших ельником холмов. — Брат Илларий получит донесение о срыве «Протокола». И о нас. Гримвольфа убили не по сценарию. Значит, есть те, кто может сопротивляться.

— Значит, мы на правильном пути, — отозвалась Изабелла, но в её голосе не было торжества. Была усталость. Глухая, костная усталость от постоянной погони, от груза увиденного, от этих чёрных, идеально круглых камней, которые она в отчаянии почти швырнула в ручей, но не выбросила. Они были уликой. Проклятой уликой.

— На пути к гибели, — мрачно парировал Теодор. — Ин-

квизиция не прощает вольнодумства. А мы не просто усомнились. Мы уничтожили их инструмент.

Дорога привела их к Туманному ущелью — старому, забытому пути, отмеченному на одной из потрёпанных карт Изабеллы. Название оказалось пророческим. К полудню с гор сползла густая, молочно-белая пелена, съевшая контуры скал, заглушившая звуки и превратившая мир в замкнутый, душный кокон. Видимость упала до десятка шагов. Воздух стал влажным, тяжёлым и холодным.

— Идеальное место для засады, — прошептал Теодор, замедляя шаг. Он вынул меч, дав знак Изабелле держаться сзади. — И для чего похуже.

Они продвигались осторожно, прислушиваясь к звукам, искажённым туманом: капли с каменных выступов, их собственные шаги, отдающиеся глухим эхом. Изабелла чувствовала, как леденеет спина. Это была не паранойя. Это было то самое чутьё, которое она научилась уважать за месяцы скитаний. Мир вокруг был неправильным. Даже туман казался не просто водяной пылью, а чем-то вязким, почти осязаемым.

Запах, они учуяли первыми. Сладковатый, приторный запах гниющего мяса, но без привычных нот разложения. Ско-

рее, запах мёда, оставленного на раскалённом камне. Запах тлена.

— Вурдалаки, — беззвучно прошептал Теодор, останавливаясь. — Много. И близко.

Из белой пелены прямо перед ними выступила фигура, высокая, сутулая, в лохмотьях когда-то добротной кольчуги. Лица не было видно под капюшоном, но из темноты под тканью светились две тусклые, жёлтые точки. За ней возникла вторая. Третья. Они не рычали. Они просто стояли, дыша с присвистом, и этот звук был страшнее любого рыка.

Теодор оттеснил Изабеллу за свою спину к скальной стене.

— Не разбегайся. Держись за мной. Если я скажу «беги» — беги на север, не оглядываясь.

Он не стал ждать их атаки. Ждать — значит позволить окружить. С коротким, боевым криком он рванулся на ближайшего вурдалака, его клинок, вспыхнув в тумане бледным отблеском, описал резкую дугу. Сталь встретила не с плотью, а с чем-то упругим и сухим, как дубленая кожа, и отскочила, оставив лишь глубокую борозду. Чудовище даже не дрогнуло. Оно просто потянулось к нему руками с длинными, почерневшими ногтями.

Это была не битва. Это была бойня в замедленной съёмке. Вурдалаки двигались не быстро, но неумолимо. Их когти, покрытые тем же липким тленом, что был и в когтях грим-вольфа, оставляли на камнях дымящиеся борозды. Плащ Теодора был исполосован, одна полоса коснулась предплечья, и ткань не порвалась — она расползлась, как гнилая нить, оставив на коже жгучую, зудящую полосу.

Он кружился, рубил, отступал, прикрывая Изабеллу, которая, прижавшись к скале, пыталась найти в памяти, в легендах, слабое место этих тварей. «Соль... огонь... чистое серебро...» У них не было ничего из этого. Только сталь, упрямство и страх.

Одному из вурдалаков удалось проскользнуть сбоку. Коготь, длинный и изогнутый, как серп, метнулся к лицу Изабеллы. Она вскрикнула, отпрянув, и споткнулась о камень.

Теодор увидел это краем глаза. Всё, что было в нём — инстинкт следопыта, дисциплина солдата, холодный расчёт инквизитора — рухнуло в одно мгновение, смытое приливом слепого, животного ужаса за неё. Он повернулся к ней спиной, бросившись на защиту, забыв на миг о другом чудовище за своей спиной.

Это была ошибка. Та самая, за которую платят жизнью.

Оглушительный удар в спину, между лопаток, под незащищённую плащом лямку сумки. Не режущий удар, а сокрушительный, будто его ударили кувалдой, обёрнутой в гнилую кожу. Он услышал, как что-то хрустнуло — не кость, а, кажется, пряжка или флакон в его снаряжении. И затем — жгучую, ледяную боль, вонзившуюся глубоко в плечо. Коготь вурдалака, пробив кожу и мышцы, ненадолго застрял в нём, и за это мгновение Теодор почувствовал, как по его телу разливается не яд, а нечто иное. Чувство пустоты. Полной, абсолютной потери. Как будто память о тепле, о свете, о самом желании жить высасывали из раны насосом.

Он рухнул на колени, мир поплыл перед глазами, окрасившись в жёлтые и серые пятна. Последнее, что он увидел, — это искажённое ужасом лицо Изабеллы, её крик, который он уже не слышал, и её руки, хватающиеся не за книгу, а за валявшийся рядом обломок скалы. Затем тьма накрыла его с головой, холодная и беззвучная, как глубина забытой могилы.

Изабелла не помнила, как закричала. Крик вырвался сам, гортанный, нечеловеческий, полный такого отчаяния, что на миг даже вурдалаки замерли, их тусклые глаза моргнули в такт. Но это было лишь мгновение. Тот, что держал коготь

в плече Теодора, дёрнулся, пытаюсь вырвать оружие из плоти, и тело Теодора, обмякшее, безвольное, рухнуло на камни лицом вниз.

Изабелла не думала. Мысли, всегда такие быстрые, такие точные, такие логичные, испарились, оставив после себя только одно: Он умрёт, если я сейчас сломаюсь.

Её рука, сжимавшая обломок скалы, поднялась сама. Не замах — инстинкт. Она швырнула камень не в вурдалака, а в скалу над ними. Удар, звон, и десятки мелких осколков градом посыпались вниз, заставив тварей пригнуться, прикрывая светящиеся глаза. Этого хватило. Хватило, чтобы Изабелла, бросившись вперёд, ухватила Теодора под мышки и с силой, о существовании которой она не подозревала, потащила его назад, в узкую расселину в скале, которую она заметила краем глаза минуту назад.

Расщелина оказалась глубже, чем казалась. Узкий, извилистый лаз вёл куда-то в темноту, в самое нутро скалы. Изабелла тащила, спотыкаясь, царапая локти и колени об острый камень, чувствуя, как его кровь, тёплая и липкая, заливает ей руки. Позади раздавалось шуршание и шипение — вурдалаки не могли пролезть в узкую щель, но и не уходили. Они ждали.

Темнота сомкнулась вокруг них, как вторая кожа. Изабелла тащила, пока силы не оставили её, и они оба не рухнули на холодный каменный пол небольшой пещерки, куда вывел лаз. Здесь пахло сыростью, старостью и покоем — ни следа тлена. Она лежала, тяжело дыша, чувствуя, как бьётся сердце где-то в горле, как дрожат руки, как по щекам текут слёзы, которых она не замечала. Теодор был рядом, неподвижный, бледный даже в этом мраке.

Не смей. Не смей умирать.

Света не было. Ни огня, ни лучины. Только ощупь. Она заставила себя подняться, нашарить в темноте его тело, найти рану. Пальцы коснулись чего-то липкого, тёплого, и она почувствовала, как тошнота подкатывает к горлу. Но она не остановилась. Она разорвала его рубаху, оголив плечо, и нащупала края раны. Она была неглубокой, но ткань вокруг неё была странной на ощупь — не горячей, как при воспалении, а ледяной, почти обжигающе холодной, и пульсирующей пустотой, той, что она чувствовала рядом с гримвольфом.

Её знания, всё, что она вычитала в древних трактатах, в запретных книгах из библиотеки отца, в дневниках паладинов, — всё это взорвалось в её сознании калейдоскопом образов и рецептов. Тлен боится чистоты. Противовесов. Ос-

нов. Корень полыни, если настоять на железе... У неё нет полыни. Но у неё есть соль. Остатки железной стружки. И вода.

Она лихорадочно развязала поясную сумку. Пальцы, дрожащие, непослушные, нащупали заветные мешочки. Соль. Железо. И последний, маленький, с сушёным зверобоем, который она собирала сама, веря в его очищающую силу. В темноте она смешала всё это наугад, на ладони, смочила слюной, потому что воды не было, и прижала эту кашицу к ране.

Теодор дёрнулся в беспамятстве. Из его горла вырвался хрип, не стон даже, а звук такой боли, что у неё сердце рывалось на части. Но она держала, прижимала, чувствуя, как под её ладонью пульсирует не только его кровь, но и та чужая, ледяная сила, сопротивляющаяся простым, грубым ингредиентам.

— Пожалуйста, — шептала она, не зная, к кому обращается — к нему, к богам, к самой вселенной. — Пожалуйста, держись. Ты сильнее. Ты сильнее этого.

Она не знала, сколько прошло времени. Минуты. Часы. В пещере не было времени, только холод и тишина, и её шёпот, и его прерывистое дыхание, то затихающее почти до смерти, то возвращающееся с хрипом. Она держала его руку в своей, пока другой прижимала компресс к ране. Она говорила, го-

ворила без остановки — не молитвы, а просто слова. О том, как они встретились. О том, как он спас её от разъярённой толпы в первой же деревне, когда кто-то узнал в ней Вершенскую. О том, как он научил её разводить огонь без труда, в сырость. О том, как она впервые увидела его улыбку — тень улыбки, когда найдёныш-щенок, которого они подобрали на дороге, лизнул его в нос. Щенок потом убежал, но улыбка осталась в её памяти.

— Ты живой, Теодор, — шептала она, прижимаясь губами к его холодному лбу. — Ты не тот человек, которым они тебя сделали. Ты тот, кто выбирает правду каждый день. Ты нужен мне. Ты нужен этому миру. Не смей уходить. Я не переживу этого.

Она сказала это вслух. Слова, которые носила в себе неделями, боясь признаться даже себе. Сказала в темноту, в холод, в его беспмятство. И от того, что они прозвучали, стало легче. И страшнее одновременно.

Под утро, когда первые бледные лучи проникли в расщелину, освещая пыль, пляшущую в воздухе, Теодор открыл глаза.

Он смотрел на неё. Невидяще, мутно, но смотрел. Его губы шевельнулись, пытаясь что-то сказать, и она прильнула к

ним ухом, ловя дыхание.

— Ты... не ушла...

— Я никуда не уйду, — ответила она, и в её голосе не было ни капли сомнения. Только усталая, бесконечная нежность.

— Ты меня не прогонишь.

Он попытался усмехнуться, но вышло лишь болезненное подобие улыбки. Его взгляд упал на её руки, перепачканные его кровью. Затем на её лицо, осунувшееся за ночь, с тёмными кругами под глазами, и в его глазах мелькнуло что-то, чего она раньше не видела. Не благодарность. Не жалость к себе. А удивление. Будто он впервые увидел её по-настоящему.

— Изабелла...

— Молчи, — она приложила палец к его губам. — Потом. Всё потом. Сейчас просто... будь.

Он послушно замолчал, закрыв глаза. Но его рука, слабая, ещё холодная, нашла её руку и сжала. Крепко. Как единственное, что держит его в этом мире, не даёт соскользнуть обратно в ту пустоту, откуда он только что вернулся.

В пещере стало светлее. Где-то далеко, снаружи, стихло шуршание вурдалаков — то ли ушли, то ли растворились с рассветом. А они сидели, прижавшись друг к другу на холодном камне, и тишина между ними была полнее и глубже

любых слов.

Настоящее утро началось не с восхода солнца. Оно началось с этого молчаливого рукопожатия в темноте, в сердце скалы, где двое беглецов, израненных и измотанных, нашли не просто убежище. Они нашли друг друга.

Глава 5: Проклятие Часовой Башни

Они вышли к Вислену на третий день после побоища в ущелье. Теодор шёл, опираясь на самодельный костыль из берёзового ствола, и каждые полчаса останавливался перевести дух, стиснув зубы. Рана на плече, обработанная травами и солью, перестала кровоточить, но вокруг неё оставалось твёрдое, холодное кольцо — след тлена, не желавший уходить. Кожа там была бледной, почти прозрачной, и под ней угадывалась неестественная, застывшая пустота.

— Ты истечёшь потом раньше, чем мы дойдём, — сказала Изабелла, когда он в очередной раз остановился, опершись о придорожный камень.

— Я дойду, — ответил он, даже не взглянув на неё. Но в его голосе не было прежней жёсткой отстранённости. Была усталость, смешанная с чем-то ещё. Чем-то, что появилось в пещере, в темноте, под звук её шёпота.

Вислен оказался не просто крупным торговым селением — он был настоящим городком, окружённым деревянным частоколом, с мощёной центральной улицей, двумя постоя-

лыми дворами и даже подобием рынка. Люди здесь не прятались по домам, как в Кривом Ручье. Они торговали, ссорились, смеялись, таскали мешки с зерном и вели за повод лошадей. Жизнь, казалось, шла своим чередом, игнорируя хаос, раздиравший Вейльгард.

Но Изабелла, даже сквозь усталость и боль за Теодора, заметила то, что не замечали местные. Слишком часто взгляды прохожих уходили в сторону — туда, где за крышами домов возвышались руины старой башни. Слишком тихо становилось на улицах с наступлением сумерек. И слишком много дверей было заперто ещё до захода солнца.

— Башня, — сказала она, указав подбородком, когда они остановились у колодца на центральной площади. — Старая, круглая кладка, времен первой династии. Таких мало осталось.

Теодор проследил за её взглядом. Башня стояла на отшибе, за городскими стенами, на невысоком холме, поросшем полынью и чертополохом. Она была сложена из тёмного, почти чёрного камня, не тронутого временем так, как следовало бы. Ни трещин, ни мха, ни птичьих гнёзд. Только ровная, гладкая поверхность, от которой веяло холодом даже на расстоянии.

— Проклятое место, — раздался голос за их спинами.

Они обернулись. Перед ними стояла женщина в кожаном фартуке мясника, с руками по локоть в крови, но с лицом на удивление добрым и усталым. Она кивнула на башню.

— «Белый Рыцарь» там бродит. Так говорят. Местные туда не суются. А пришлые... ну, пришлые иногда пропадают. Особенно по пьяни, когда спорят, кто смелее.

— Пропадают? — переспросила Изабелла, и её голос приобрёл ту самую ровную, спокойную интонацию, которую Теодор уже научился распознавать. Интонация исследователя, напавшего на след.

— А вы не здешние, видать, — женщина оглядела их поношенные плащи, осунувшиеся лица, и что-то в её взгляде смягчилось. — Заходите, коли хотите. У меня постоянный двор через два дома. «У Хромой Лошади». Там и поговорим. Бесплатно налью похлёбки, вижу, вы с дороги.

Они не стали отказываться.

За густым, наваристым супом с требухой, который оказался лучшим, что они ели за последние недели, хозяйка — её звали Фрида — рассказала всё, что знала. А знала она нема-

ло.

— Началось это с месяц назад. Сперва скотина пропадать стала. У коз — молоко кисло за ночь, у кур — яйца с двойным желтком и чёрной скорлупой. Мелочи, но странные. Потом люди заговорили, что видели в руинах свет. Не огонь, а такой... белый, холодный, как лунный, только в безлунье. А после того как кузнец наш, Клаус, полез туда проверить, не мародёры ли, — Фрида перекрестилась двумя пальцами, — его нашли у подножия холма. Живого, но... пустого. Глаза открыты, дышит, а внутри никого. Как кукла тряпичная.

Изабелла замерла с ложкой у рта.

— Пустого? То есть... он не говорил, не двигался?

— Как восковая фигура. Три дня просидел, глядя в одну точку, а потом... пропал. Без следов. — Фрида тяжело вздохнула. — С тех пор ещё трое пропали. Молодой подмастерье пекаря, вдова старая, что по грибы ходила, и... — она замялась. — И девчонка одна. Служанка из трактира. Красивая, глупая. Побегала на спор, что принесёт с башни камень.

— Девушка, — эхом отозвался Теодор. Его голос был слабым, но в глазах зажглось что-то опасное. — Когда?

— Третьего дня. Уж обыскались всё. Нет нигде.

Теодор и Изабелла переглянулись. В этом взгляде было всё: и память о детях в леднике, и ощущение нарастающей волны, и безмолвный вопрос: «Мы можем идти дальше?»

— Мы останемся на ночь, — сказала Изабелла, принимая решение за двоих. — Если есть свободная комната.

Фрида кивнула, но в её глазах мелькнуло беспокойство.

— Вы не вздумайте туда соваться, хорошие люди. Это дело инквизиции. Они обещали прислать отряд, да всё нейдут. А местные уже и молебны служили, и знахарей звали — никто не берётся. Говорят, там древнее зло, которому наши молитвы — как комариный писк.

— Мы не полезем, — мягко солгала Изабелла. — Нам бы отдохнуть да лошадьми разжиться.

Комната оказалась тесной, с одним окном, выходящим как раз на холм с башней. Теодор рухнул на лавку, не в силах больше держаться прямо. Изабелла села рядом, положила руку ему на лоб. Холодный. Слишком холодный. Тлен не уходил.

— Ты не пойдёшь туда, — сказал он, не открывая глаз.

— Я пойду. Мы пойдём. Вместе.

— Я бесполезен. Только задерживать буду.

— Ты будешь моим щитом. Как всегда. Даже если не сможешь поднять меч, твоё присутствие — уже защита. — Она помолчала. — И потом... эти люди. Эта девушка. Мы не можем просто уйти.

Он открыл глаза. Посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом.

— Ты меня убиваешь, — сказал он, и впервые в его голосе прозвучало не обвинение, а что-то похожее на восхищение. — Своей верой в невозможное.

— Ты сам меня ей заразил, — улыбнулась она, и улыбка вышла усталой, но настоящей. — В пещере. Когда не умер.

За окном смеркалось. Башня на холме медленно погружалась в тень, и в её очертаниях, в её зловещей, неестественной цельности, уже угадывалось обещание скорой битвы. А где-то там, в её подземельях, может быть, ещё теплилась жизнь — та самая глупая, смелая девчонка, рискнувшая ради спора, и все, кто пропали до неё.

Изабелла достала дневник и при свете огарка свечи начала

делать записи. Она не просто описывала услышанное — она искала. Листала страницы, выписанные из древних хроник, сравнивала символы, вспоминала легенды о «Белом Рыцаре», который в фольклоре разных земель появлялся то как предвестник смерти, то как страж, уснувший, но не умерший.

— Лич, — прошептала она наконец. — Древний командир. Его воины. Они не знают, что война кончилась.

Теодор, задремавший было, открыл глаза.

— Что?

— В башне не просто призрак. Там остаток гарнизона. Они погибли в битве, но не ушли, потому что не выполнили долг. И теперь любой, кто входит на их территорию... становится нарушителем границы. Их «пустота» — это не злоба. Это приказ, оставшийся без срока давности.

Она посмотрела на него, и в её глазах горел тот самый холодный, исследовательский огонь, перед которым отступал даже страх.

— Завтра я пойду туда. И я знаю, что делать. Мне нужно только одно: чтобы ты был рядом. И чтобы мы нашли имя.

— Чьё имя?

— Их командира. Истинное. То, которое он носил при жизни. Если я произнесу его, обряд упокоения сработает. Я читала об этом в дневниках паладинов Ордена Серебряной Зари. Они так и делали: не уничтожали, а отпускали. Называя по имени тех, кто забыл, кто они.

За окном совсем стемнело. Ветер донёс издали стран- ный, тоскливый звук — то ли вой, то ли звон стали о ка-мень. Башня на холме зажглась изнутри бледным, призрач- ным светом, который не освещал, а лишь подчёркивал тьму вокруг.

Теодор с трудом поднялся, подошёл к окну и встал рядом с ней, опираясь здоровой рукой о подоконник.

— Завтра, — сказал он. — На рассвете. Пока они слабее.

Она кивнула, чувствуя, как его рука — холодная, слабая, но всё ещё его рука — нашла её ладонь и сжала.

— Мы справимся, — сказала она, и впервые за долгие дни в её голосе не было вопроса. Была тихая, твёрдая уверен- ность. — Мы справимся.

Рассвет в Вислене не наступил — он сочился сквозь плот- ную пелену облаков бледным, болезненным светом, который

не разгонял тени, а лишь делал их длиннее и причудливее. Город ещё спал, укутанный предутренней тишиной, когда две фигуры отделились от задней калитки постоянного двора и бесшумно двинулись через пустыри к холму с башней.

Теодор шёл медленно, тяжело опираясь на костыль, но его глаза — эти вечные, неспящие глаза следопыта — сканировали каждый куст, каждый камень, каждую тень. Левая рука, здоровая, лежала на рукояти меча. Правая, перевязанная и неподвижная, была прижата к телу. Изабелла несла сумку с книгами и припасами, и ещё один, особый груз — надежду, что её знания не подведут.

— Ты как? — спросила она, когда они начали подъём по пологому склону, поросшему жёсткой, сухой травой.

— Я здесь, — ответил он коротко. — Этого достаточно.

Холм встретил их тишиной. Не обычной утренней тишиной, а вакуумной, будто звуки боялись проникать на эту территорию. Даже ветер, гулявший по равнине, стихал у подножия, не решаясь коснуться чёрных стен. Трава под ногами была неестественно ровной, примятой, но не живой — она не пружинила, а хрустела, как сухая бумага.

— Здесь тоже был плен, — тихо сказала Изабелла, указывая на серые, пыльные пятна у корней. — Но старый. Неак-

тивный. Как шрам.

Вход в башню зиял чёрным провалом. Дверь, когда-то дубовая, окованная железом, давно сгнила и лежала грудой трухи у порога. За ней угадывалась тьма — не просто отсутствие света, а плотная, осязаемая субстанция, которая, казалось, дышала в такт чему-то глубоко под землёй.

Теодор шагнул внутрь первым, заслоняя Изабеллу. В нос ударил запах — не сырости и плесени, как следовало ожидать от старых руин, а сухой, металлический запах хорошо сохранившегося оружия и доспехов. И ещё один, едва уловимый — запах ладана и старой крови.

— Здесь служили мессу Восьмерым, — прошептала Изабелла, принюхиваясь. — Перед битвой. Последнюю.

Глаза привыкали к темноте. Скупой свет из входа выхватывал фрагменты: каменные ступени, уходящие вниз, грубые фрески на стенах, изображающие воинов в древних доспехах, и знамя — истлевшее, едва держащееся на древке, но с узнаваемым гербом: серебряный дракон на чёрном поле.

— Ривермар, — выдохнула Изабелла. — Третья династия. Они воевали с северными кланами за перевалы. Это одна из сторожевых башен.

— Сторожевая башня с подземельями? — Теодор указал на ступени, ведущие вниз. — Там основное укрепление. На случай осады.

Они начали спуск. Каждая ступень отдавалась эхом, многократно усиленным каменным мешком. С каждым шагом воздух становился холоднее и плотнее, давил на уши, заставлял сердце биться чаще. Изабелла считала ступени — старая привычка, помогающая справиться со страхом. Семнадцать, восемнадцать, девятнадцать...

На двадцать третьей ступени мир кончился.

Они вышли в огромный зал, вырубленный в естественной скальной породе. Его стены уходили вверх, теряясь в темноте, а в центре, на возвышении, стоял он. Рыцарь в полных доспехах, побелевших от времени, с мечом, воткнутом в камень у ног. Он сидел на каменном троне, опустив голову в шлеме, и казался спящим. Вокруг него, вдоль стен, замерли десятки фигур — воины в таких же древних доспехах, с таким же оружием, застывшие в неестественных, караульных позах.

— Они... не двигаются, — прошептала Изабелла, чувствуя, как холодок бежит по спине.

— Пока не двигаются, — поправил Теодор, медленно обводя взглядом зал. — Мы нарушители. Они ждут команды.

Свет, проникающий откуда-то сверху, из невидимых щелей, странно преломлялся в зале. Он не рассеивал тьму, а собирался в причудливые узоры на полу, создавая иллюзию движения там, где всё было неподвижно. И в этих узорах, в этих тенях, Изабелла вдруг увидела то, что искала. На полу, у ног сидящего рыцаря, были выбиты слова. Древним языком, почти стёртые временем, но читаемые.

«Здесь покоится комтур Аликсий Егермунт, защитник Северных Перевалов, павший в год Кровавой Осени, выполняя свой долг до последнего вздоха. Вечная память»

— Аликсий, — выдохнула она. — Его имя Аликсий.

Слово, произнесённое вслух, разорвало тишину, как удар колокола. Воины вдоль стен дрогнули. Не двинулись, а именно дрогнули — их доспехи издали едва слышный, жалобный скрежет, будто они пытались проснуться, но не могли.

Рыцарь на троне поднял голову.

Под шлемом не было лица. Там была тьма, и в ней горели два глаза — не злые, не голодные, а бесконечно усталые, пол-

ные тоски и непонимания. Он смотрел на них, склонив голову набок, как пёс, пытающийся вспомнить что-то важное.

— Кто... — голос, раздавшийся в их головах, был скрежетом камня и звоном стали. — Кто нарушает... границу? Война... не кончена. Приказ... стоять.

Воины вдоль стен начали двигаться. Медленно, неуклюже, с жутким скрежетом суставов, лишённых плоти. Они поднимали мечи, копья, щиты, и в их пустых глазницах зажигались такие же усталые, обречённые огни.

— Аликсий! — громко, насколько позволял страх, крикнула Изабелла, делая шаг вперёд. — Комтур Северных Перевалов! Ваш долг исполнен! Война окончена!

Рыцарь на троне замер. Воины застыли, подняв оружие, но не нанося удара.

— Окончена... — эхом отозвался голос. — Когда? Мы ждали... подкрепления. Приказа. Никто не пришёл.

— Прошло сто шестьдесят лет, — сказала Изабелла, и в её голосе звучала не торжествующая правда, а горечь. — Империя, за которую вы сражались, пала. Ваши враги мертвы. Ваш долг — только память. Вы можете уйти. Вы заслужили покой.

Тишина повисла в зале, густая, как смола. Рыцарь смотрел на неё — сквозь века, сквозь смерть, сквозь собственную забытую боль. И в его глазах, в этих усталых огнях, она увидела борьбу. Веру, приказ, привычку — против правды, которую она принесла.

— Память... — повторил он. — У меня нет памяти. Только приказ.

— У вас есть имя, — шагнул вперёд Теодор, и его голос, слабый, но твёрдый, прозвучал в зале неожиданно громко. — Вы — Аликсий. Вы защищали этих людей. — Он кивнул на застывших воинов. — Они погибли с вами. Вы все — герои. Но война не длится вечно. Отпустите их. Отпустите себя.

Рыцарь медленно поднялся с трона. Его доспехи заскрежетали, и в этом звуке слышалась многовековая усталость. Он сделал шаг к ним — и воины вдоль стен, подчиняясь какому-то невидимому приказу, начали опускать оружие. Нехотя, со скрежетом, но опускать.

— Сто шестьдесят лет... — голос Аликсия стал тише, человечнее. — Мои люди... они ждали. Я ждал. А никого не было.

— Никого не было, — подтвердила Изабелла. — Вы остались одни. Но теперь вы не одни. Мы здесь. Мы помним. Мы назвали ваше имя. Вы свободны.

Рыцарь остановился в двух шагах от них. Его рука в железной перчатке медленно поднялась к шлему, коснулась забрала. И на мгновение, одно лишь мгновение, сквозь прорезь они увидели не тьму, а лицо. Усталое, измождённое, но живое лицо старого воина, с глазами, полными слёз.

— Спасибо, — прошелестел голос, теряя металлические ноты, становясь почти человеческим. — Спасибо, что пришли.

Свет в зале изменился. Он стал мягче, теплее, и фигуры воинов, один за другим, начали таять, рассыпаться в этом свете, оставляя после себя лишь груды древних доспехов, ржавого оружия и костей. Последним исчез Аликсий. Он стоял перед ними, глядя на свои руки, на доспехи, на трон, и медленно, как утренний туман, растворялся в воздухе.

— Живите, — прошептал его голос, уже совсем тихий, почти не слышимый. — Живите за нас.

Изабелла почувствовала, как по щекам текут слёзы. Она

не плакала, когда было страшно, когда было больно, когда Теодор умирал у неё на руках. Она плакала сейчас, глядя, как столетняя тоска уходит в покой.

Теодор стоял рядом, тяжело опираясь на костыль. Его лицо было бледным, но в глазах — в этих вечно холодных, расчётливых глазах — тоже мелькнуло что-то похожее на боль.

— Они не знали, — тихо сказал он. — Сто шестьдесят лет не знали, что война кончилась.

— Знали, — ответила Изабелла, вытирая слёзы. — Но не могли поверить. Пока кто-то не пришёл и не сказал им.

Они стояли в центре опустевшего зала, среди груд древнего металла, и тишина вокруг была уже не гнетущей, а мирной. Где-то наверху, у входа, запела птица — первый живой звук, проникший в это место за полтора столетия.

— Нам нужно найти девушку, — напомнил Теодор, делая шаг назад к лестнице. — И других пропавших.

— Они там, — Изабелла указала вглубь зала, где за тронном угадывался ещё один проход. — Если они живы, они там.

Проход за тронем вёл не вглубь, а в сторону — узкий коридор, вырубленный в скале, с грубыми стенами, на которых всё ещё виднелись следы кирок и клиньев. Здесь не было фресок, не было знамён. Только голый камень, холод и тишина, нарушаемая лишь шорохом их шагов да тяжёлым дыханием Теодора.

Изабелла шла первой, высоко подняв масляный светильник, позаимствованный у Фриды. Масла в нём оставалось на час, может, два. Пламя дрожало, отбрасывая причудливые тени, но не гасло — воздух здесь, вопреки ожиданиям, был сухим и даже тёплым, с отчётливым запахом пыли и чего-то ещё... живого? Органического?

— Они здесь, — прошептал Теодор, останавливаясь и прислушиваясь. — Дыхание. Не одно.

Изабелла замерла, напрягая слух. И действительно, сквозь гул крови в ушах она уловила слабый, прерывистый звук — то ли всхлип, то ли стон. Он доносился из-за поворота, где коридор расширялся, переходя в ещё одно помещение.

Она шагнула туда первой, и свет выхватил из темноты картину, от которой сжалось сердце.

В небольшой камере, больше похожей на склеп, на куче

старого, прогнившего сена сидели люди. Четверо. Две женщины, мужчина и девушка, почти ребёнок — та самая служанка, судя по описанию Фриды. Они были живы. Они дышали, моргали, но взгляды их были устремлены в одну точку — на противоположную стену, где тускло поблёскивал какой-то металлический предмет, вмурованный в камень.

— Не смотрите туда, — резко сказал Теодор, входя следом и заслоняя собой светильник. — Отвернитесь. Смотрите на меня. На пламя.

Его голос, грубый, командный, подействовал как удар хлыста. Девушка вздрогнула, моргнула, и её взгляд медленно, с усилием, оторвался от стены, переместился на них. В глазах появилось осознание — мутное, болезненное, но живое.

— Вы... вы настоящие? — прошептала она.

— Настоящие, — Изабелла опустилась рядом с ней на колени, коснулась её лица. Холодное, но живое. — Мы пришли за вами. Вставайте. Нужно идти.

Мужчина, тот самый кузнец Клаус, о котором говорила Фрида, дёрнулся, попытался подняться, но ноги не слушались. Он смотрел на свои руки, на свои ноги, будто видел их впервые.

— Я... я помню, как шёл сюда. А потом... потом ничего. Только свет. Белый свет. И голос... голос говорил, что война не кончена, что мы должны...

— Это был не голос, — перебила Изабелла, помогая ему встать. — Это было эхо. Старая боль. Она больше не держит вас. Идите.

Она обвела взглядом камеру. Четверо. И много тех, что пропали раньше и не выжили — их тела, мумифицированные сухим воздухом, лежали в углу, сложенные аккуратно, будто спящие. Аликсий и его воины не убивали. Они просто... забирали. Приводили сюда, в свой мир вечного ожидания, и держали, пока те не угасали, не в силах проснуться.

— Мы заберём их, — тихо сказал Теодор, заметив её взгляд. — Похороним по-человечески. Не здесь.

Подъём наверх был медленным и мучительным. Теодор, сам едва державшийся на ногах, поддерживал Клауса. Изабелла вела женщин и девушку, которая то и дело спотыкалась, не в силах сфокусировать взгляд на ступенях. Светильник догорал, и последние метры до выхода они преодолевали почти на ощупь, ведомые лишь бледным пятном дневного света в конце туннеля.

Они вывалились наружу, как вываливаются утопленники на берег — мокрые от пота, дрожащие, не верящие, что снова видят небо. Солнце стояло высоко, день был в разгаре, и его лучи, обычные, не призрачные, падали на холм, на сухую траву, на башню, которая теперь казалась просто старой, заброшенной развалиной, лишённой всякой магии.

— Живы, — выдохнула одна из женщин и разрыдалась. К ней присоединилась вторая, потом девушка. Плач был громким, некрасивым, полным животного облегчения, и Изабелла вдруг поняла, что тоже плачет, сама не замечая этого.

Теодор стоял чуть поодаль, опираясь на костыль, и смотрел на башню. Его лицо, бледное, осунувшееся, не выражало ничего. Только когда Изабелла подошла к нему, он перевёл взгляд и тихо сказал:

— Ты была права. Знание — оружие.

— Мы были правы, — поправила она. — Ты держал их внимание, пока я говорила. Ты заслонил меня. Мы — команда.

Он не ответил, но в его глазах мелькнуло что-то тёплое, почти неуловимое.

Внизу, у подножия холма, уже собиралась толпа. Фрида,

заметив их уход, подняла тревогу, и теперь полгорода сбежалось смотреть, как с холма спускаются четверо пропавших, которых уже считали мёртвыми. Крики, слёзы, объятия — всё смешалось в один гулкий, живой шум.

Клаус, уже твёрже стоя на ногах, повернулся к ним.

— Вы... вы спасли нас. Мы думали, конец. Там, в этой темноте... — он запнулся. — Чем мы можем отплатить? Деньги? Еда? Всё, что скажете.

— Информация, — быстро сказала Изабелла. — Вы здесь живёте давно. Слышали что-нибудь о Храме Памяти? Говорят, он где-то за Седой Гривой гор.

Клаус нахмурился, вспоминая.

— Храм... не слышал. А вот Седую Гриву знаю. Перевал там опасный, даже летом. Но если нужен храм... — он почесал затылок. — Есть один старик на окраине, бывший паломник. Он по всем святым местам ходил, пока ноги носили. Если кто и знает, то он.

Фрида, подоспевшая с охапкой тёплых плащей для спасённых, кивнула, подтверждая:

— Дед Маттеус. Живёт у Южных ворот, в землянке, странноватый, но память у него, как у летописца. Сходите, он не откажет.

Они не пошли сразу. Сначала был обед в трактире Фриды — накрытый стол, от которого ломилось, благодарные взгляды, шёпот за спиной: «Это те самые, что из башни людей вывели...» Изабелла чувствовала на себе десятки взглядов, и в них было не только любопытство, но и надежда. Надежда, что в этом разваливающемся мире ещё есть те, кто приходит не жечь и пытаться, а спасать.

Теодор ел молча, механически, и после каждой порции проваливался в тяжёлую дремоту, из которой его выводил каждый громкий звук. Изабелла видела, как он мучается, как рана на плече пульсирует под повязкой, но он ни разу не пожаловался. Только когда Фрида увела их в ту же комнату с видом на башню, он позволил себе рухнуть на лавку и закрыть глаза.

— Теодор, — позвала она тихо, присаживаясь рядом. — Ты молодец. Ты выдержал.

— Я бесполезен, — ответил он, не открывая глаз. — Ты всё сделала сама.

— Я не смогла бы без тебя за спиной, — она взяла его руку, холодную, слабую, и сжала в своих ладонях. — Ты моя опора. Даже когда падаешь.

Он открыл глаза. Посмотрел на неё долгим, странным взглядом — тем самым, что появился в пещере и не исчезал с тех пор.

— Изабелла...

— Молчи, — она приложила палец к его губам. — Отдыхай. Завтра пойдём к старику. А сегодня... сегодня мы победили. По-настоящему. Не убивая.

Он не стал спорить. Только кивнул и снова закрыл глаза. Его дыхание выровнялось, стало глубже. Изабелла сидела рядом, гладила его руку и смотрела в окно, где на фоне вечернего неба темнел силуэт башни. Теперь это был просто силуэт. Без света, без страха, без боли.

Где-то в городе пели — благодарственный молебен, или просто песню, она не разбирала. Но звук был живым, тёплым, и от него на душе становилось легче.

Она достала дневник, раскрыла на чистой странице и начала писать:

«Вислен. Башня комтура Аликсия. Упокоены согласно обряду Памяти. Спасены четверо. Главный вывод: сила древних проклятий — не в злобе, а в забытом долге. Правда, сказанная вовремя, сильнее стали. Теодор... он держал-

ся. Мы держались. Впереди — Седые Гривы и, возможно, ответы. Но сегодня — мы победили. Не мечом. Словом. И памятью»

Она закрыла дневник, положила голову на край лавки, рядом с его рукой, и провалилась в сон без сновидений — первый настоящий сон за многие дни.

А башня на холме молчала, остывая под звёздами, и ветер свободно гулял по её пустым залам, не встречая больше преград.

Глава 6: Ночь без доспехов

Вечер опустился на Вислен тихо, как усталый вздох. Город засыпал, убаюканный тёплым ветром с полей и собственным, непривычным за последние недели спокойствием. В комнате на постоялом дворе «У Хромой Лошади» горела одна свеча — оплывшая, короткая, но дающая достаточно света, чтобы видеть лица.

Теодор сидел на лавке у окна, глядя на тёмный силуэт башни. Он снял перевязь, рубаха была расстёгнута, обнажая бинты на плече — Изабелла настояла, что проверит рану перед сном. Она стояла рядом, и в её руках была миска с тёплой водой и свежими травами, которые дала Фрида.

— Дай посмотрю, — сказала она тихо, и он послушно повернулся, подставляя плечо.

Пальцы её, осторожные и прохладные, касались кожи вокруг раны, смывали старую мазь, накладывали новую. Тлен отступил — не полностью, но кольцо вокруг раны стало меньше, бледнее, почти не пульсировало той ледяной пустотой. Живое побеждало мёртвое.

— Заживает, — прошептала она, скорее себе, чем ему. —

Медленно, но заживает.

Он молчал, глядя на неё. На её лицо, осунувшееся за эти дни, на круги под глазами, на прядь волос, выбившуюся из вечно собранного пучка и падающую на щёку. На её руки — нежные, но уже покрытые цыпками и мелкими шрамами от веток, камней, случайных порезов. Руки учёного, которые стали руками воина по необходимости.

— Ты меня спасла, — сказал он вдруг, и голос его прозвучал хрипло, непривычно мягко. — В ущелье. В пещере. Ты могла уйти. Спрятаться. Дождаться, пока они уйдут.

— Я не могла, — она подняла глаза, встретила его взгляд. — Даже мысль об этом... невозможно.

— Почему?

Вопрос повис в воздухе. Простой, прямой, беззащитный. Вопрос человека, который всю жизнь строил себя из долга и дисциплины, и вдруг столкнулся с чем-то, что не вписывалось ни в какие уставы.

Изабелла молчала долго. Её пальцы замерли на его плече, и только дыхание, чуть участившееся, выдавало внутреннюю борьбу.

— Потому что ты — единственное, что у меня есть, — сказала она наконец. — Не защитник. Не оружие. Не средство для цели. Ты — ты. Человек, который каждую ночь сражается с собственными демонами и каждое утро встаёт, чтобы сражаться с чужими. Человек, который верит в правду сильнее, чем в догмы. Человек...

Она запнулась, отвела взгляд, но он взял её лицо в ладони — осторожно, почти невесомо, здоровой рукой — и повернул к себе.

— Человек, который полюбил тебя, — закончил он за неё. И в его глазах, в этих вечно холодных, серых глазах, она увидела то, что искала все эти месяцы. Не благодарность. Не жалость. А отражение её собственной боли, её собственной надежды.

Свеча догорела и погасла. В комнате стало темно, но темнота эта была не враждебной, не пустой. Она была полна их дыханием, их близостью, их общей, выстраданной тишиной.

Она склонилась к нему, и их губы встретились — сначала робко, неуверенно, будто оба боялись спугнуть это хрупкое, новое чувство. Потом смелее, горячее, забывая о боли, об усталости, о ранах, о мире за стенами этой комнаты, полном крови и лжи.

Он притянул её ближе, рукой обнимая за талию, и она прильнула к нему, чувствуя, как бьётся его сердце — часто, сильно, в унисон с её собственным. Рубаха соскользнула с её плеча, и его пальцы коснулись обнажённой кожи, такие же прохладные, как её, когда она касалась его раны. Но от этого прикосновения по телу разлилось тепло, прогоняющее остатки тлена, остатки страха, остатки одиночества.

— Ты дрожишь, — прошептал он, касаясь губами её виска.

— Это не от холода, — ответила она, и в голосе её звучала улыбка — первая настоящая улыбка за многие недели.

Они любили друг друга не так, как пишут в рыцарских романах — не пылко и неистово. Они любили друг друга так, как любят уцелевшие после бури — устало, благодарно, с отчаянием людей, знающих цену каждому мгновению. В их близости не было ничего постыдного или торопливого. Было только одно: потребность чувствовать живое тепло, слышать живое дыхание, знать, что этот мир, каким бы жестоким он ни был, всё ещё может дарить такие мгновения.

А потом была тишина. Тёплая, тягучая, наполненная только их сбившимся дыханием и далёким криком ночной

птицы. Она лежала, уткнувшись носом в его здоровое плечо, вдыхая запах его кожи — травы, дым костра, железо и что-то ещё, только его, родное. Его пальцы перебирали её волосы, распущенные, разметавшиеся по подушке, и это движение было бесконечно нежным, почти ритуальным.

— Я думал, что разучился, — прошептал он в темноту.
— Чувствовать. Доверять. Быть... живым.

— А я думала, что всю жизнь буду только наблюдать, — ответила она. — Записывать. Анализировать. Но никогда не жить по-настоящему.

Он повернул голову, коснулся губами её лба.

— Мы живём, Изабелла. По-настоящему. И это... это стоит всей боли.

Она приподнялась на локте, вглядываясь в его лицо, едва различимое в темноте.

— Теодор... я боюсь.

— Чего?

— Что это делает нас слабее. Что страх потерять тебя теперь будет сильнее, чем раньше.

— Нет, — он покачал головой, и в его голосе прозвучала та самая стальная уверенность, которую она так ценила. — Это сделает нас сильнее. Потому что теперь мы знаем, за что сражаемся. Не за идею. Не за правду. А друг за друга.

Она хотела ответить, но он прижал палец к её губам.

— Спи. Завтра будет трудный день. Нам нужно найти этого старика.

Она послушно закрыла глаза, чувствуя, как его рука обнимает её, прижимая к себе, как его дыхание выравнивается, переходя в сон. И впервые за долгие месяцы ей не снились кошмары. Снилось только море — спокойное, бескрайнее, тёплое, и они вдвоём стояли на берегу, и волны лизали их босые ноги, и впереди не было ничего, кроме света.

Она проснулась от того, что кто-то смотрит на неё. Открыла глаза и встретила взглядом с Теодором. Он сидел на краю лавки, уже одетый, перевязь на месте, волосы мокрые — видимо, успел умыться у колодца. И смотрел на неё так, будто видел впервые.

— Доброе утро, — сказал он, и в голосе его прозвучала странная, непривычная хрипотца.

Она села, придерживая одеяло у груди, и вдруг почувство-

вала, как краска заливает щёки. Вчера, в темноте, всё было просто и естественно. Сейчас, при свете утра, пробивающегося сквозь мутное окно, на них обоих навалилась неловкость. Та самая, первая, которую не обойдёшь и не перепрыгнешь.

— Я... — начали они одновременно и замолчали.

Теодор отвернулся к окну, давая ей время одеться. Изабелла лихорадочно натягивала рубашку, проклиная дрожащие пальцы, которые никак не могли справиться с завязками.

— Воды принёс, — сказал он, не оборачиваясь. — Тёплая. Фрида поставила у двери.

Она кивнула, потом поняла, что он не видит, и выдавила: — Спасибо.

Пауза затягивалась, становилась невыносимой. Наконец, когда она была готова, он повернулся. Взгляды встретились, и в его глазах она увидела не смущение, а вопрос. Боязливый, осторожный вопрос: «Ты жалеешь?»

Она шагнула к нему, взяла его здоровую руку в свои, сжала.

— Не смей, — сказала она твёрдо. — Не смей жалеть или извиняться. Это был мой выбор. Наш выбор.

Он выдохнул — так, будто держал воздух в лёгких всё это время.

— Я боялся, что ты...

— Что я проснусь и решу, что это была ошибка? — она покачала головой. — Нет, Теодор. Это единственное, что не было ошибкой. За всё время.

Он притянул её к себе, обнял — крепко, почти до боли, уткнувшись лицом в её волосы.

— Я тоже, — глухо сказал он. — Тоже.

Так они и стояли посреди маленькой комнаты, обнявшись, и неловкость таяла, уступая место чему-то новому. Тому, что было прочнее стали и тоньше паутины одновременно.

Фрида, когда они спустились в общий зал, окинула их быстрым, понимающим взглядом и ничего не сказала. Только пододвинула две дымящиеся миски похлёбки и краюху хлеба.

— Ешьте, герои. Старик Маттеус уже проснулся, я послала мальчишку проверить. Ждёт вас.

Они ели молча, но молчание это было другим. Не напряжённым, а наполненным. Их руки случайно соприкасались, и ни один не отдергивал. Наоборот — задерживались на миг дольше, чем нужно.

Дед Маттеус жил в землянке у Южных ворот — бедное, но опрятное жилище, пропахшее сушёными травами, воском и старостью. Сам он оказался сухим, жилистым стариком с живыми, не по возрасту ясными глазами и руками, испещрёнными синими венами, похожими на карту неизвестной страны.

— Спасители из башни, — приветствовал он их, жестом приглашая садиться на лавку у очага. — Слух о вас уже по всему городу. Люди говорят, вы не инквизиторы. Вы другие.

— Мы ищем Храм Памяти, — без предисловий начала Изабелла. — Нам сказали, вы можете знать, где он.

Старик помолчал, глядя на огонь.

— Храм Памяти... святое место. Древнее. О нём мало кто знает. И те, кто знает, не говорят. Не потому что тайна великая, а потому что... — он замаялся. — Потому что дорога к нему лежит через земли, гиблые. Не всякий дойдёт.

— Мы дойдём, — твёрдо сказал Теодор. — Если будем знать, куда идти.

Маттеус перевёл взгляд на него, долго изучал его лицо, его рану, его глаза.

— Ты был инквизитором, — не спросил, утвердил. — Но ушёл. Или тебя выгнали?

— Ушёл сам. Когда понял, что правды там нет.

Старик кивнул, будто услышал именно то, что ожидал.

— Хорошо. Тогда слушайте. Сам я в Храме не был, стар уже, ноги не те. Но знаю человека, который был. Священник старый, отец Северин. Он служит при дворе барона Филиппа. Это к северо-западу отсюда, день пути, может, два. Земли мелкие, но барон держится крепко. Был вассалом Вершенов, — он бросил быстрый взгляд на Изабеллу, и в глазах его мелькнуло понимание, — до того, как всё рухнуло.

— Вершенов? — переспросила Изабелла, и в её голосе дрогнуло что-то. — Мой отец...

— Знаю, дитя, знаю, — мягко перебил старик. — Потому и говорю. Барон Филипп человек не злой, но напуганный. В его землях беспокойно. Чума какая-то ходит, скотинадох-

нет, люди болеют странно. Он звал инквизиторов, те обещали прийти, но что-то медлят. А отец Северин при нём — советник и духовник. Если кто и знает дорогу к Храму, то он.

— Чума? — Теодор насторожился. — Какая именно?

— Странная, — старик покачал головой. — Люди не умирают сразу. Сначала теряют память. Забывают имена, лица, дорогу домой. Потом перестают говорить. А потом... — он развёл руками. — Потом просто лежат и смотрят в небо, пока не умрут от голода, потому что забывают, как есть. Инквизиторы говорят — кара небесная. А я думаю... — он понизил голос. — Я думаю, это не чума. Это что-то другое.

Изабелла и Теодор переглянулись. В этом взгляде было всё: и узнавание симптомов — тлен, пустота, потеря себя, и понимание, что их путь снова ведёт не просто к информации, а к новой битве.

— Спасибо, отец, — сказала Изабелла, поднимаясь. — Мы пойдём к барону Филиппу.

— Будьте осторожны, дети, — старик перекрестил их сухой, дрожащей рукой. — Правда, которую вы ищете, она как огонь — греет, но и обжечь может. А в землях барона сейчас много тьмы. Не только той, что с неба, но и той, что в чело-

веческих сердцах.

Они вышли от старика под полуденное солнце, и Вислен шумел вокруг обычной, живой жизнью. Но в ушах у обоих звучали его слова: «теряют память», «забывают, как есть», «смотрят в небо».

— Это снова Орден? — тихо спросила Изабелла.

— Или то, что они призывают, — мрачно ответил Теодор.
— Но теперь мы знаем, куда идти. И знаем, что нас там ждёт не просто разговор со священником.

Он посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на извинение.

— Я не смогу защищать тебя так, как раньше. Пока рана не заживёт.

— Ты и не должен, — она взяла его за руку, сжала. — Теперь мы защищаем друг друга. Помнишь?

Он кивнул, и на его губах впервые за долгое время появилось подобие улыбки.

— Помню.

Они вернулись на постоянный двор, чтобы собрать вещи и поблагодарить Фриду. А через час уже выходили из Северных ворот, держа путь к землям барона Филиппа, где их ждала не только дорога к Храму Памяти, но и новая загадка — странная чума, стирающая людям память.

Позади оставался Вислен, башня на холме, тёплая ночь в маленькой комнате. Впереди — неизвестность, боль и, возможно, новые ответы.

Но теперь у них было то, чего не было раньше: они знали, что идут не рядом, а вместе.

Глава 7: Чумной барон

Дорога к землям барона Филиппа фон Эйденвальда петляла между холмами, поросшими чахлым кустарником, и с каждым часом становилась всё мрачнее. Даже небо, ещё утром ясное, к полудню затянуло серой, тяжёлой пеленой, сквозь которую солнце просвечивало бледным, болезненным пятном. Воздух, напоенный запахом прелой листвы и чего-то ещё, неуловимого, сладковато-тоскливого, давил на грудь, заставлял дышать чаще.

— Здесь пахнет смертью, — тихо сказал Теодор, останавливаясь на вершине очередного холма. Его плечо ныло после долгого перехода, но он упрямо отказывался делать лишние привалы. Изабелла знала почему: чем ближе они подходили к цели, тем сильнее в нём просыпался старый инстинкт охотника, чужавшего крупную дичь.

Внизу, в долине, раскинулось баронство. Когда-то, судя по планировке и остаткам укреплений, это был крепкий, зажиточный край. Центральное село с добротными домами, мельницей на реке, кузницей и даже подобием мощёной площади перед господским домом — не замком, но крупной усадьбой, обнесённой частоколом. Но сейчас всё это выглядело иначе.

Поля, что должны были золотиться созревающим хлебом, стояли чёрными, будто выжженными, хотя следов огня не было видно. Над некоторыми домами не поднимался дым — верный признак того, что там либо не топили, либо некому было топить. А главное — тишина. Та самая вакуумная, неестественная тишина, которую они уже научились распознавать как предвестник беды.

— Люди есть, — сказала Изабелла, вглядываясь. — Вон там, у колодца, кто-то движется. И у ворот стража.

Действительно, двое стражников в потрёпанных, но ещё опознаваемых как форма куртках с гербом — чёрный вепрь на серебряном поле — стояли у распахнутых ворот, опираясь на копьё. Они не переговаривались, не следили за дорогой, просто стояли, глядя в пустоту перед собой.

— Пошли, — Теодор поправил перевязь и первым двинулся вниз по склону.

Стражники ожили, только когда путники подошли шагов на десять. Один из них, молодой парень с испитым, осунувшимся лицом, выставил копьё, преграждая путь.

— Стоять. Кто такие? Барон никого не принимает.

— Мы по делу, — твёрдо сказал Теодор, останавливаясь в шаге от острья. — Нам нужен отец Северин.

При упоминании имени священника стражник вздрогнул и переглянулся с напарником.

— Отца... отца Северина? А вы кто ему будете?

— Мы из Вислена, — вступила Изабелла, и её голос, мягкий, но уверенный, подействовал на стражников лучше любых угроз. — Нас послал дед Маттеус. Скажите барону, что мы можем помочь с... чумой.

Последнее слово повисло в воздухе, как удар колокола. Стражники переглянулись снова, и на этот раз в их глазах мелькнуло нечто, похожее на надежду. Отчаянную, утопающую, но всё же надежду.

— Ждите здесь, — бросил молодой и, неловко переваливаясь через частокол, побежал к усадьбе.

Второй стражник, пожилой, с сединой в усах, молчал, но его взгляд, скользнувший по Теодору, по его раненой руке, по Изабелле с её неизменной сумкой книг, был красноречивее любых слов. «Вы не похожи на тех, кто может помочь», — говорил этот взгляд. «Но других у нас нет».

Ждать пришлось недолго. Молодой вернулся запыхавшийся, махнул рукой:

— Идите. Барон велел пропустить. Только... — он замаялся. — Только будьте осторожны. Он сам не свой последние дни.

Они прошли через ворота, мимо пустующих домов с заколоченными ставнями, мимо колодца, у которого сидела женщина с пустыми глазами и перебирала горсть сухих, чёрных зёрен, не замечая, что они рассыпаются сквозь пальцы. Изабелла задержала на ней взгляд, и в голове её, как молния, вспыхнула запись из дневника: «Симптомы: потеря памяти, неспособность к целенаправленным действиям, пустой взгляд. Возможно, форма ментального тлена».

Усадьба барона встретила их запахом — тяжёлым, спёртым, смесью лекарственных трав, пота и страха. Внутри было темно, все окна завешены, и только редкие свечи разгоняли мрак, создавая больше теней, чем света.

Барон Филипп фон Эйденвальд сидел в кресле у камина, в котором давно не горел огонь. Это был мужчина лет сорока пяти, когда-то, видимо, крепкий и властный, но сейчас сломленный, осунувшийся, с глубокими тенями под глазами и руками, мелко дрожащими на подлокотниках. Одет он был в домашний халат поверх ночной рубахи, и лишь перстень с

чёрным ведром на пальце напоминал о его статусе.

Рядом с ним, чуть поодаль, стоял священник. Сухой, высокий старик в простой чёрной рясе, с лицом, изрезанным морщинами, и глазами, полными такой усталости, что, казалось, он вот-вот уснёт и не проснётся. Это и был отец Северин.

— Кто вы? — голос барона был хриплым, сорванным, будто он много кричал или пил. Скорее всего, и то и другое. — Зачем пришли?

Изабелла шагнула вперёд, принимая удар на себя.

— Меня зовут Изабелла Вершенская. Это Теодор, мой спутник. Мы слышали о вашей беде. И о чуме, что стирает память людям.

При упоминании имени Вершенская барон вздрогнул и впился в неё взглядом — жадным, недоверчивым, почти безумным.

— Вершенская... дочь Лотария? Та самая, что сбежала из дома, чтобы шляться по дорогам с беглым инквизитором? — Он рассмеялся, и смех его прозвучал жутко, как карканье ворона. — Слухи доходят даже сюда. И вы хотите помочь?

Чем? Молитвами? Книжками?

— Мы уже помогали, — спокойно ответила Изабелла, не сбиваясь с тона. — В Кривом Ручье. В Вислене. Там тоже были беды, с которыми не справлялись инквизиторы. Мы справились. Не силой — знанием.

Отец Северин, до этого молчавший, подался вперёд.

— Знанием? — его голос, в отличие от баронского, был тихим, но твёрдым. — Каким же, дитя моё?

— Я изучала древние тексты, — Изабелла встретила его взгляд прямо. — Легенды, хроники, записи паладинов. То, что происходит здесь, похоже на действие тлена. Не физической болезни, а... ментальной. Пустоты, что проникает в разум, стирая память, лишая людей самих себя.

Северин медленно кивнул, и в его глазах мелькнуло понимание.

— Ты говоришь о том же, о чём молчат инквизиторы. Они придут, обещают очищение огнём, но огонь не лечит память. Он только сжигает тех, кто ещё может вспомнить.

Барон вдруг вскочил с кресла, заметался по комнате, как зверь в клетке.

— Мне плевать, кто вы и откуда! — выкрикнул он, и в голосе его звучала такая боль, что у Изабеллы сжалось сердце.

— Моя жена... она... она уже не помнит, кто я. Третьего дня забыла, как меня зовут. Вчера перестала узнавать дочь. Сегодня утром... — Он запнулся, сглотнул судорожно. — Сегодня утром она спросила, где находится и как её зовут. Она забыла себя. А инквизиторы... чёрт бы их побрал, они говорят, что это кара за грехи. Что надо сжечь её, чтобы спасти остальных!

Он рухнул обратно в кресло, закрыв лицо руками. Плечи его тряслись — то ли от рыданий, то ли от судорог отчаяния.

Отец Северин подошёл к ним, понизив голос.

— Он прав. Симптомы именно такие. Сначала забывают имена близких, потом своё имя, потом... потом всё. Те, кто доходит до конца, перестают дышать. Сами, без ран, без болезней. Просто забывают, как дышать.

— Сколько таких? — спросил Теодор, впервые подавая голос.

— Два десятка, может, больше. Мы сбили в отдельный барак, пытаемся ухаживать, но... — старик развёл руками. — Мы не знаем, как это лечить. А инквизиторы уже на подходе. Брат Илларий обещал быть через два-три дня.

При упоминании этого имени Теодор напрягся, как струна.

— Илларий?

— Он самый, — кивнул Северин, и в его глазах мелькнула тревога. — Вы с ним знакомы?

— Мы сорвали его игру, — жёстко ответил Теодор. — И теперь он идёт сюда, чтобы «очистить» ваших людей. А на самом деле — замести следы.

Барон поднял голову, и в его мутных, красных от недосыпа глазах зажглось что-то похожее на ярость.

— Что вы несёте? Инквизиция — единственная защита от скверны!

— Скверна, — твёрдо сказала Изабелла, — которую они сами и создают. В Кривом Ручье мы нашли тайник с реактивами. Они вызывают аномалии, чтобы потом героически их побеждать. Это инсценировка. А ваши люди — расходный материал в их игре.

Тишина повисла в комнате, тяжёлая, как камень. Барон смотрел на них, и в его взгляде боролись ярость, недоверие и отчаянная, утопающая надежда. Наконец он медленно выдохнул:

— Докажите.

— Мы докажем, — ответил Теодор. — Покажите нам больных. И источник воды. И всё, что может быть связано с чумой. Мы найдём правду. А потом...

— А потом, — перебила Изабелла, — когда мы найдём правду, вы скажете нам, где находится Храм Памяти. Отец Северин знает.

Священник вздрогнул, но промолчал, только перевёл взгляд на барона. Барон смотрел на Изабеллу долго, изучающе, будто видел перед собой не девушку с книгами, а кого-то гораздо значительнее.

— Дочь Лотария, — сказал он наконец. — Твой отец был честным человеком. Один из немногих. Если ты пошла в него... — Он махнул рукой. — Делайте, что хотите. Мне терять нечего. Только... — голос его дрогнул. — Только жену. Пожалуйста, если можете... спасите её.

Это было не приказание, не просьба даже. Это была мольба. Человека, потерявшего всё, кроме призрака надежды.

Теодор и Изабелла переглянулись. В этом взгляде было всё: и усталость, и решимость, и то новое, хрупкое, что свя-

зало их той ночью в Вислене.

— Мы попробуем, — сказал Теодор, и в его голосе прозвучало обещание, которое он давал не барону, а ей. И себе.

Отец Северин шагнул к двери.

— Идёмте. Я покажу вам бараки. И расскажу всё, что знаю. А это, — он кивнул на барона, — немало.

Они вышли из усадьбы в серый, безрадостный день, и ветер донёс до них слабый, тоскливый звук — женский голос, что-то напевавший без слов, монотонно и бесконечно, как сама пустота.

— Это одна из больных, — тихо сказал Северин. — Она поёт, потому что забыла слова. Только мелодию помнит. Но и её скоро забудет.

Изабелла сжала руку Теодора, чувствуя, как внутри закипает холодная, яростная решимость. Где-то там, за холмами, уже двигался отряд брата Иллария, неся с собой «очищение». А здесь, в этом забытом богами баронстве, умирали люди, не понимая, почему их собственная память становится врагом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.